VISIT…

САША ЧЕРНЫЙ

Библейские сказки

август

САША ЧЕРНЫЙ

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Отчего Моисей не улыбался, когда был маленький

Сказка о лысом пророке Елисее,
его медведице и детях

Первый грех

Рисовал *Петр Перевезенцев*

Праведник Иона

Даниил во львином рву

МОСКВА «АВГУСТ» 2000

ОТЧЕГО МОИСЕЙ НЕ
КОГДА БЫЛ МАЛЕНЬ

Помнишь, как это было?

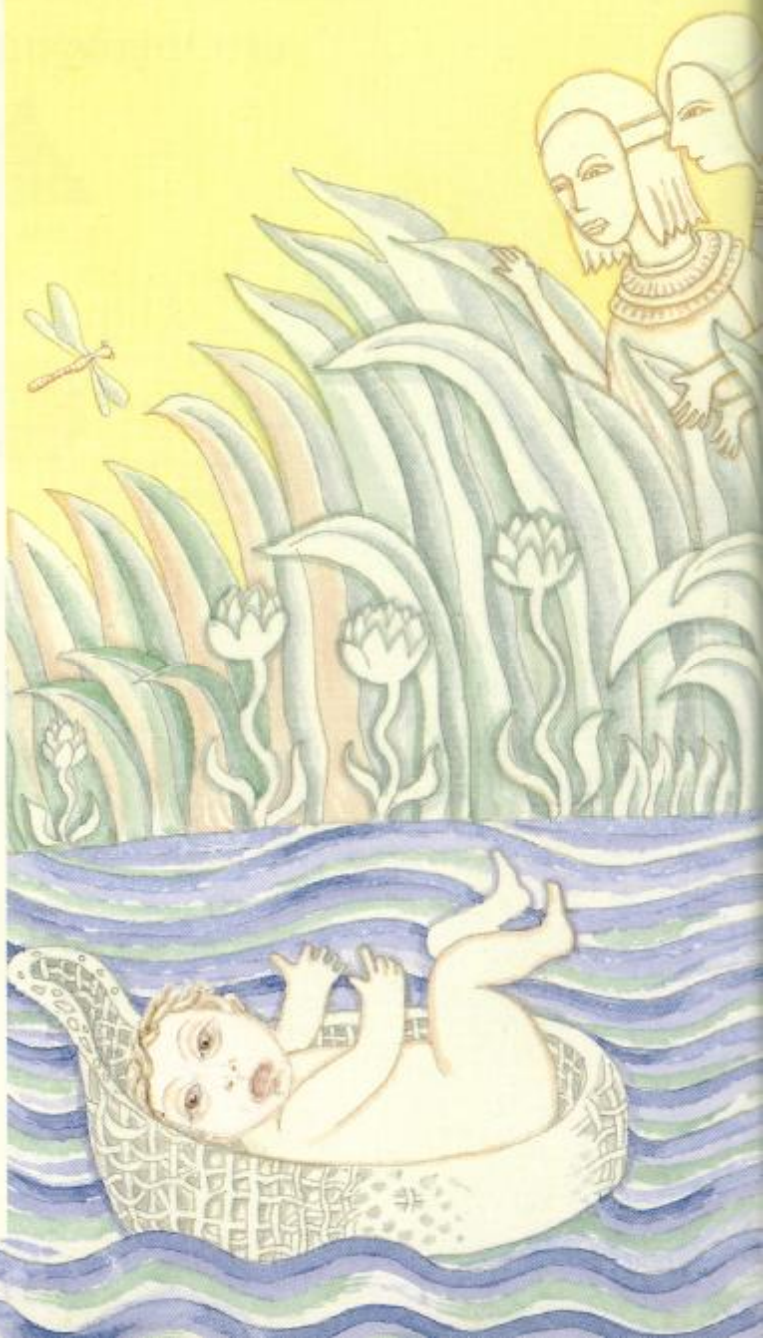
Маленький Моисей (фунтов десять он тогда весил, не больше) плыл по реке в корзинке, так хорошо пропитанной смолой, что ни одна любопытная капля воды не могла проскользнуть сквозь крепкое плетенье.

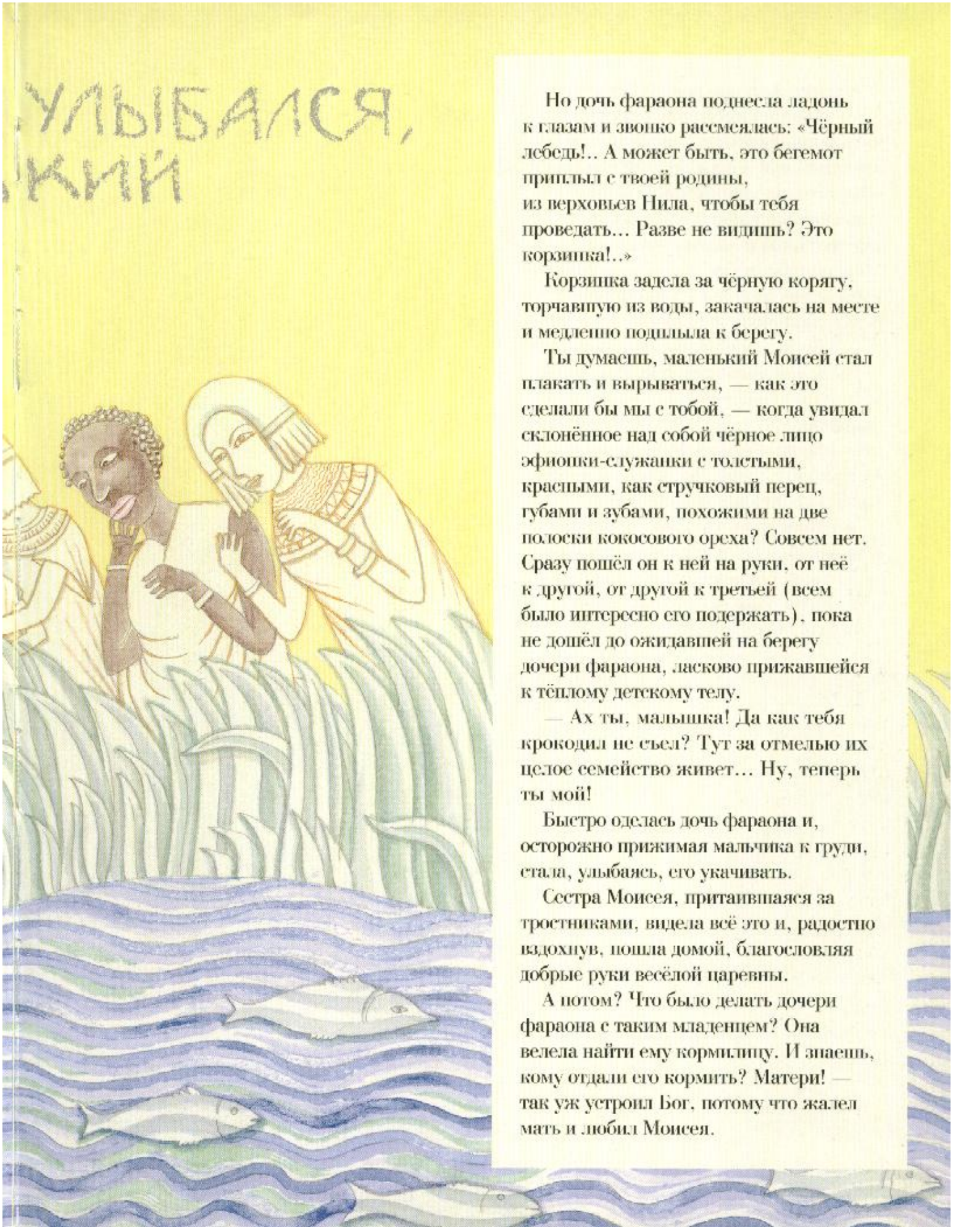
Внизу болтали между собой быстрые, весёлые струи — вверху улыбалось серебряное облако с золотой каймой, похожее на белого задремавшего кролика. Стрекозы перегоняли друг друга и, пролетая над корзиной, удивлённо звенели: «Зык! Зы-зык! Когда же это было видано, чтобы маленький мальчик плыл один по реке в корзинке?»

А маленький Моисей лежал, смотрел круглыми глазками в небо и разговаривал сам с собой: «бля, вля, гля...» Разговаривал на том самом языке, на котором говорил и ты, когда лежал в люльке, задрав кверху круглые ножки, пуская пузыри и рассматривая собственный круглый пальчик. Не помнишь?

Вдали за кустами стояла сестра маленького Моисея, смотрела, раздвинув тростник, на колыхающуюся вдали плетёную колыбель, и слёзы медленно капали одна за другой в весёлую воду...

— Чёрный лебедь! — шепнула служанка дочери фараона, с которой она купалась в реке.





Но дочь фараона поднесла ладонь к глазам и звонко рассмеялась: «Чёрный лебедь!.. А может быть, это бегемот приплыл с твоей родины, из верховьев Нила, чтобы тебя проведать... Разве не видишь? Это корзинка!..»

Корзинка задела за чёрную корягу, торчавшую из воды, закачалась на месте и медленно поплыла к берегу.

Ты думаешь, маленький Моисей стал плакать и вырываться, — как это сделали бы мы с тобой, — когда увидал склонённое над собой чёрное лицо эфиопки-служанки с толстыми, красными, как стручковый перец, губами и зубами, похожими на две полоски кокосового ореха? Совсем нет. Сразу пошёл он к ней на руки, от неё к другой, от другой к третьей (всем было интересно его подержать), пока не дошёл до ожидавшей на берегу дочери фараона, ласково прижавшейся к тёплому детскому телу.

— Ах ты, малышка! Да как тебя крокодил не съел? Тут за отмелью их целое семейство живет... Ну, теперь ты мой!

Быстро оделась дочь фараона и, осторожно прижимая мальчика к груди, стала, улыбаясь, его укачивать.

Сестра Моисея, притаившаяся за тростниками, видела всё это и, радостно вздохнув, пошла домой, благословляя добрые руки весёлой царевны.

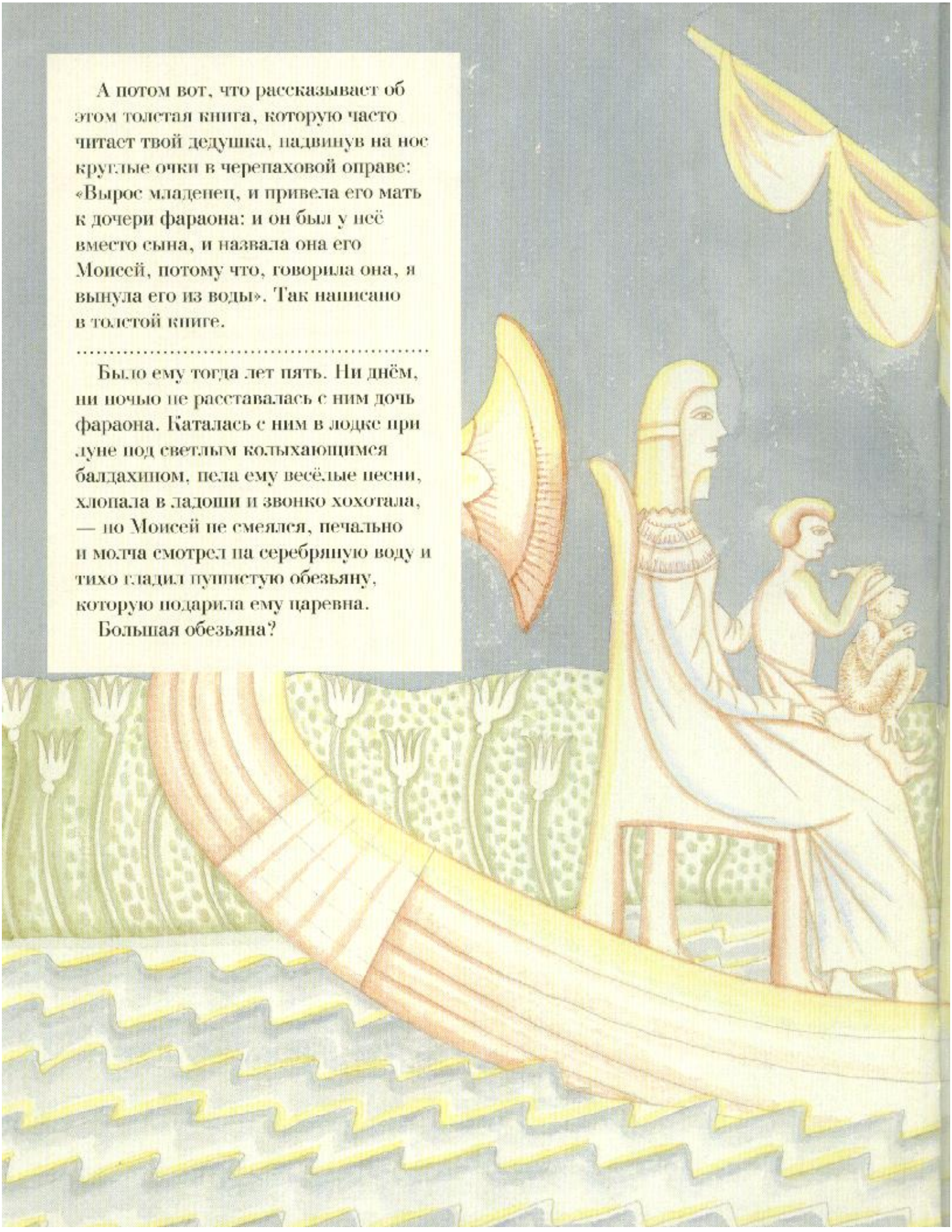
А потом? Что было делать дочери фараона с таким младенцем? Она велела найти ему кормилицу. И знаешь, кому отдали его кормить? Матери! — так уж устроил Бог, потому что жалел мать и любил Моисея.

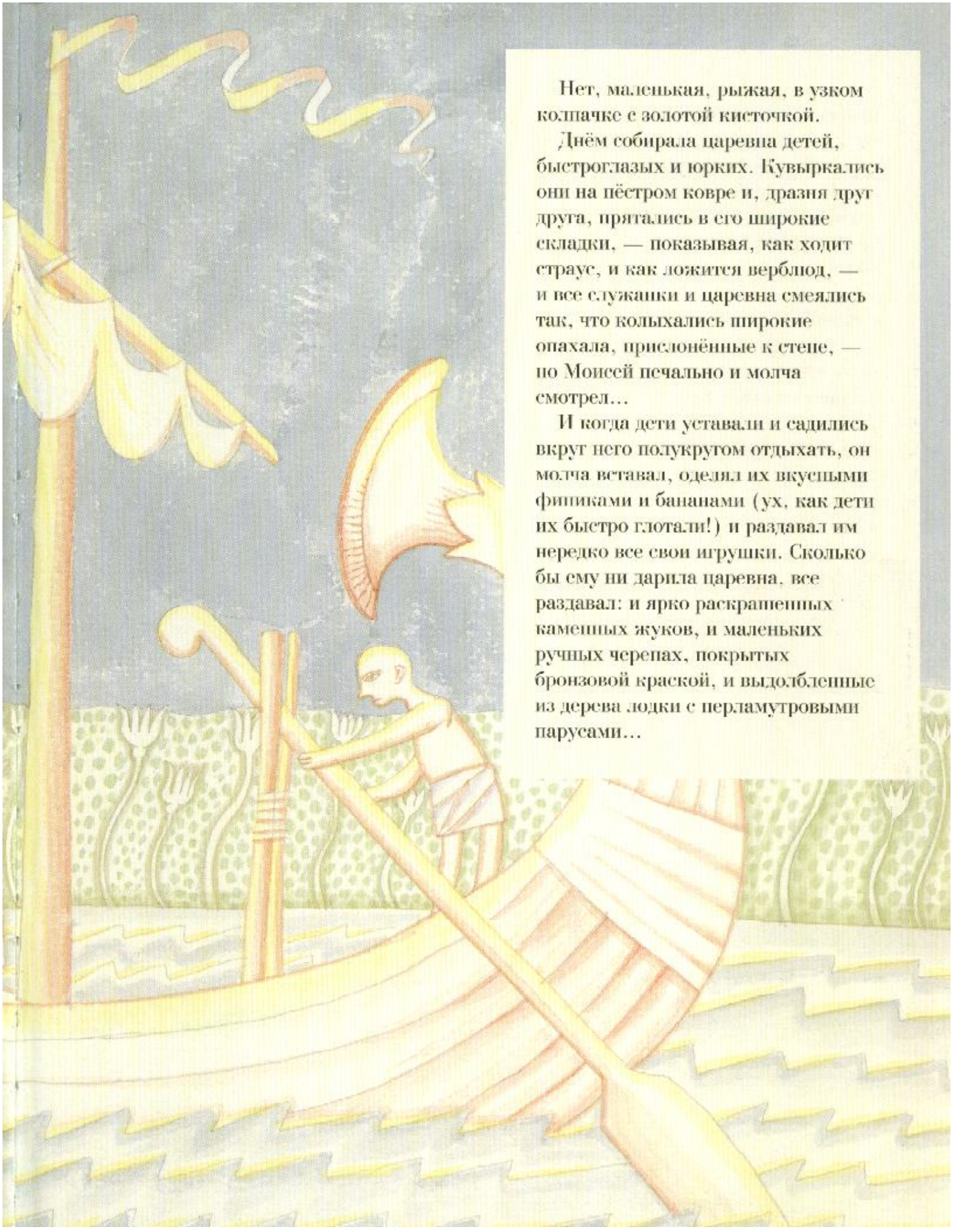
А потом вот, что рассказывает об этом толстая книга, которую часто читает твой дедушка, надвинув на нос круглые очки в черепаховой оправе: «Вырос младенец, и привела его мать к дочери фараона: и он был у неё вместо сына, и назвала она его Моисей, потому что, говорила она, я вынула его из воды». Так написано в толстой книге.

.....

Было ему тогда лет пять. Ни днём, ни ночью не расставалась с ним дочь фараона. Каталась с ним в лодке при луне под светлым колыхающимся балдахином, пела ему весёлые песни, хлопала в ладоши и звонко хохотала, — но Моисей не смеялся, печально и молча смотрел на серебряную воду и тихо гладил пушистую обезьяну, которую подарила ему царевна.

Большая обезьяна?





Нет, маленькая, рыжая, в узком колпачке с золотой кисточкой.

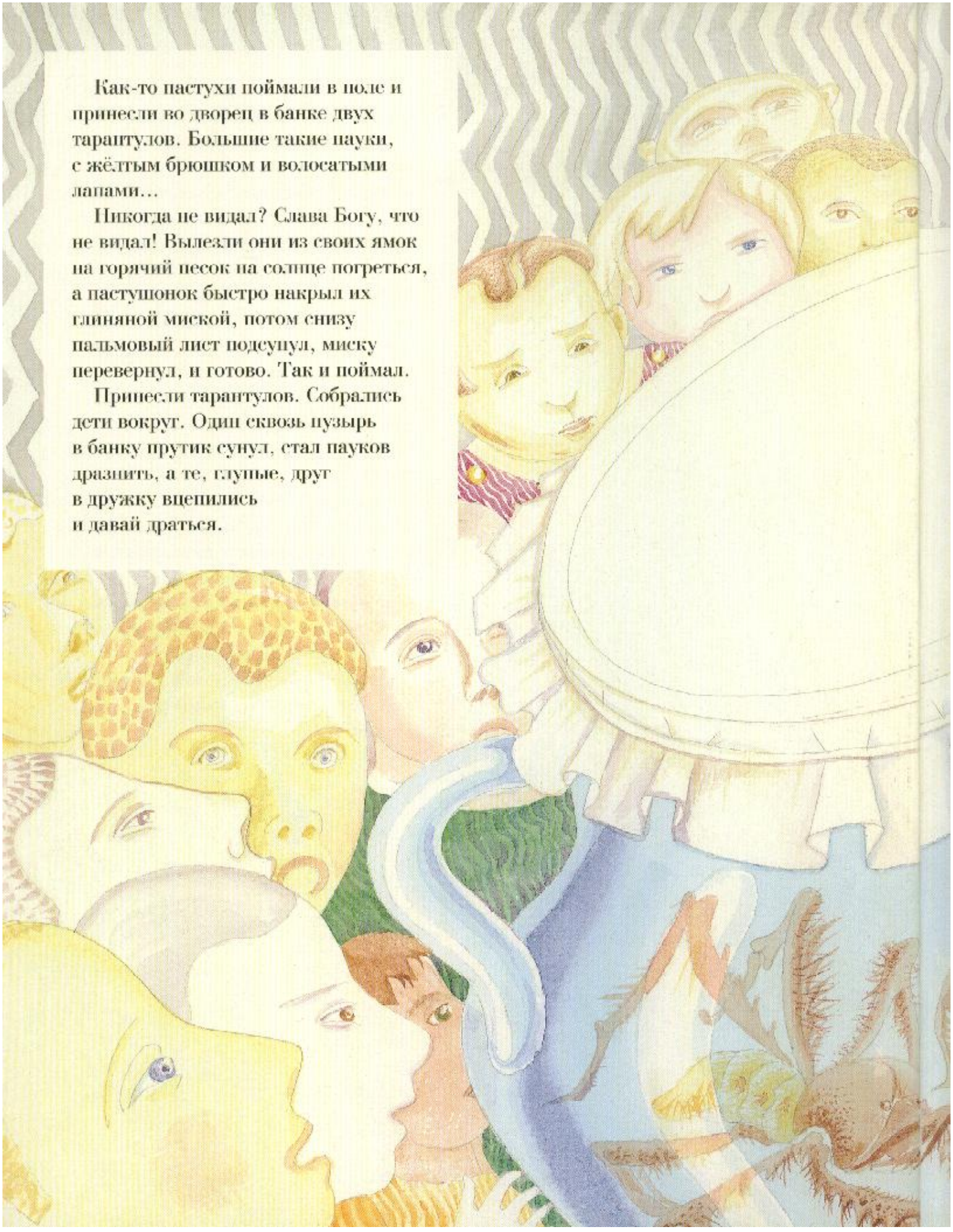
Днём собирала царевна детей, быстроглазых и юрких. Кувыркались они на пёстром ковре и, дразня друг друга, прятались в его широкие складки, — показывая, как ходит страус, и как ложится верблюд, — и все служанки и царевна смеялись так, что колыхались широкие опахала, прислонённые к стене, — но Моисей печально и молча смотрел…

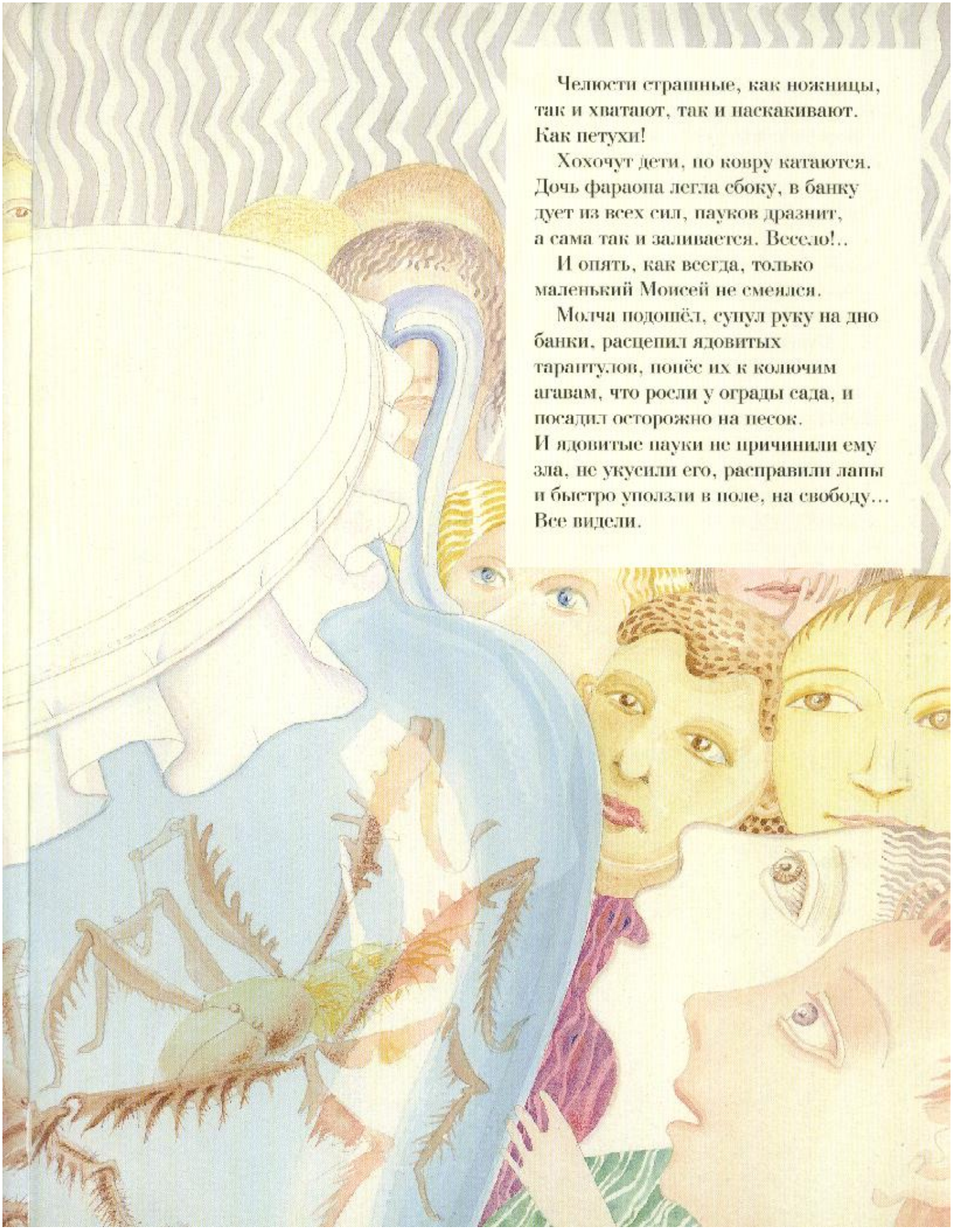
И когда дети уставали и садились вкруг него полукругом отдыхать, он молча вставал, оделял их вкусными финиками и бананами (ух, как дети их быстро глотали!) и раздавал им нередко все свои игрушки. Сколько бы ему ни дарила царевна, все раздавал: и ярко раскрашенных каменных жуков, и маленьких ручных черепах, покрытых бронзовой краской, и выдолбленные из дерева лодки с перламутровыми парусами…

Как-то пастухи поймали в поле и принесли во дворец в банке двух тарантулов. Большие такие пауки, с жёлтым брюшком и волосатыми лапами…

Никогда не видал? Слава Богу, что не видал! Вылезли они из своих ямок на горячий песок на солнце погреться, а пастушонок быстро накрыл их глиняной миской, потом снизу пальмовый лист подсунул, миску перевернул, и готово. Так и поймал.

Принесли тарантулов. Собрались дети вокруг. Один сквозь пузырь в банку прутик сунул, стал пауков дразнить, а те, глупые, друг в дружку вцепились и давай драться.





Челюсти страшные, как ножницы, так и хватают, так и наскакивают. Как петухи!

Хохочут дети, по ковру катаются. Дочь фараона легла сбоку, в банку дует из всех сил, пауков дразнит, а сама так и заливается. Весело!..

И опять, как всегда, только маленький Моисей не смеялся.

Молча подошёл, сунул руку на дно банки, расцепил ядовитых тарантулов, понёс их к колючим агавам, что росли у ограды сада, и посадил осторожно на песок.

И ядовитые пауки не причинили ему зла, не укусили его, расправили лапы и быстро уползли в поле, на свободу… Все видели.

Отпустила дочь фараона детей, отослала служанок, села на ковёр к Моисею и долго его гладила по круглой головке.

Долго гладила, и нежно прижала к себе, и тихо спросила:

— Моисей, мальчик мой! Отчего ты такой?

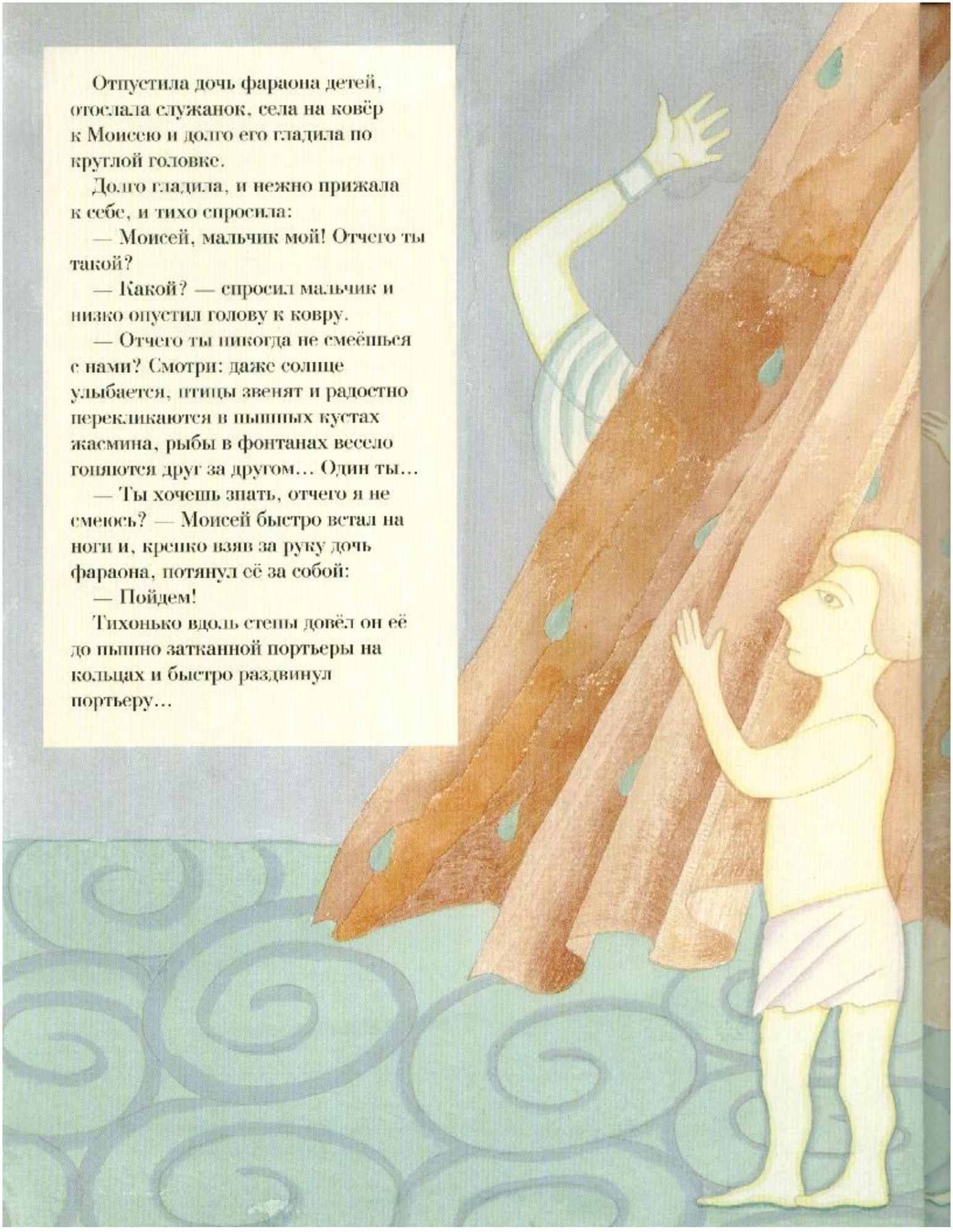
— Какой? — спросил мальчик и низко опустил голову к ковру.

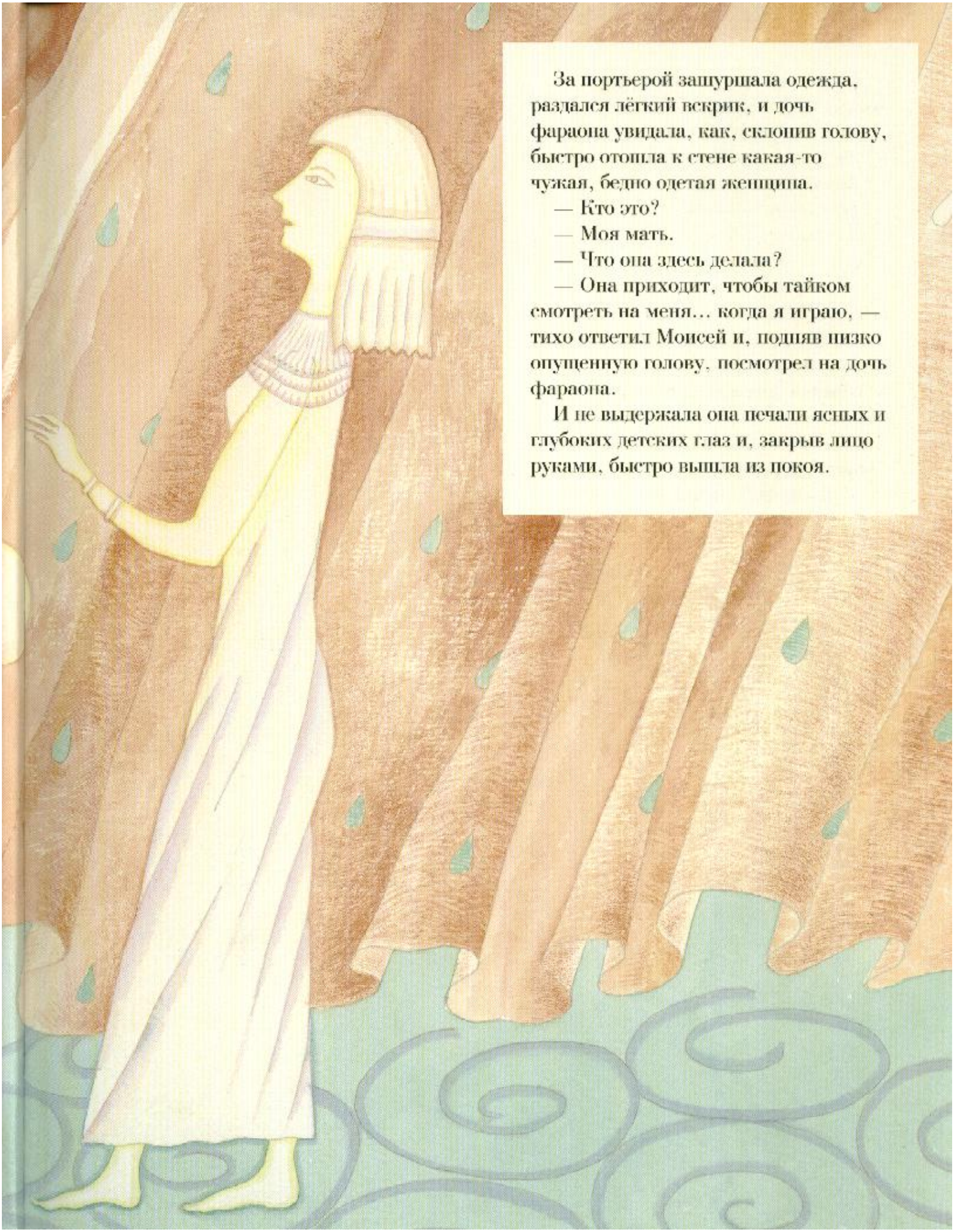
— Отчего ты никогда не смеёшься с нами? Смотри: даже солнце улыбается, птицы звенят и радостно перекликаются в пышных кустах жасмина, рыбы в фонтанах весело гоняются друг за другом… Один ты…

— Ты хочешь знать, отчего я не смеюсь? — Моисей быстро встал на ноги и, крепко взяв за руку дочь фараона, потянул её за собой:

— Пойдем!

Тихонько вдоль стены довёл он её до пышно затканной портьеры на кольцах и быстро раздвинул портьеру…





За портьерой зашуршала одежда, раздался лёгкий вскрик, и дочь фараона увидала, как, склонив голову, быстро отошла к стене какая-то чужая, бедно одетая женщина.

— Кто это?

— Моя мать.

— Что она здесь делала?

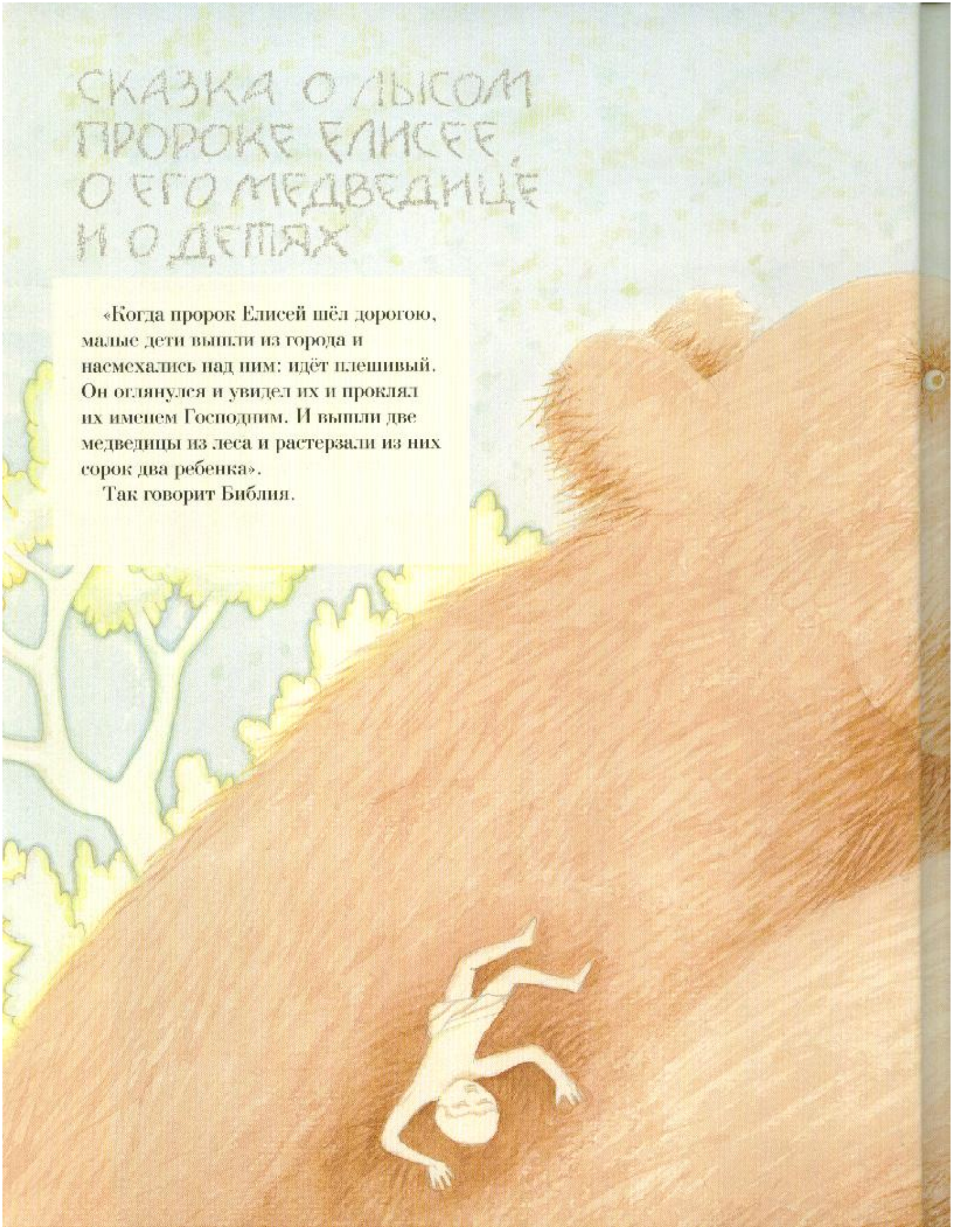
— Она приходит, чтобы тайком смотреть на меня… когда я играю, — тихо ответил Моисей и, подняв низко опущенную голову, посмотрел на дочь фараона.

И не выдержала она печали ясных и глубоких детских глаз и, закрыв лицо руками, быстро вышла из покоя.

СКАЗКА О ЛЫСОМ ПРОРОКЕ ЕЛИСЕЕ, О ЕГО МЕДВЕДИЦЕ И О ДЕТЯХ

«Когда пророк Елисей шёл дорогою, малые дети вышли из города и насмехались над ним: идёт плешивый. Он оглянулся и увидел их и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка».

Так говорит Библия.



А я думаю, что дело было не так. Не может быть, чтобы такой славный старик, как Елисей, из-за таких пустяков (ну, подразнили — эка важность!) стал проклинать детей. И уж ни за что на свете не поверю, чтобы медведицы так жестоко расправлялись с детьми. Не их дразнили, — им-то что. Да ещё будто они переловили столько ребятишек... Одного бы поймали, ну двух, — а остальные, как воробьи, рассыпались бы в разные стороны. Догони-ка.

Если ты будешь сидеть тихо, и вынешь изо рта чернильный карандаш, и перестанешь дёргать кошку за усы, я расскажу тебе, как это было.

Шёл пророк Елисей опушкой леса по делам в город Вефиль. Жарко было, как в желудке у верблюда. Ящерицы, широко раскрыв рты, скрывались под прохладными камнями, птицы сонно покачивались на ветках и дремали — одни мухи не спали.

Так уж их Бог устроил: чем жарче, тем им веселей. И нельзя было от них укрыться нигде. Шляп тогда не носили, — Елисей и веткой отмахивался, и ладонью прикрывался, и головой дёргал, и стыдить их пробовал, — ничего не помогало. Лезут гурьбой на лысину, жужжат и щекочут, точно им и места другого на земле нет, кроме его лысины.

Пророк Елисей был очень добрый старик: все звери, и птицы, и букашки его обожали, и он всех любил. Но и са́мому доброму надоест, когда надо сто, двести, триста раз кричать «кыш» и махать руками.

А тут ещё из-за пригорка целая ватага детей высыпала… Разогрелись, расшалились, и вдруг такое удовольствие: лысый старик идёт.

Самый маленький даже рот раскрыл от радости и запел:

— Вон и-дёт пле-ши-вый… — и пошло́.

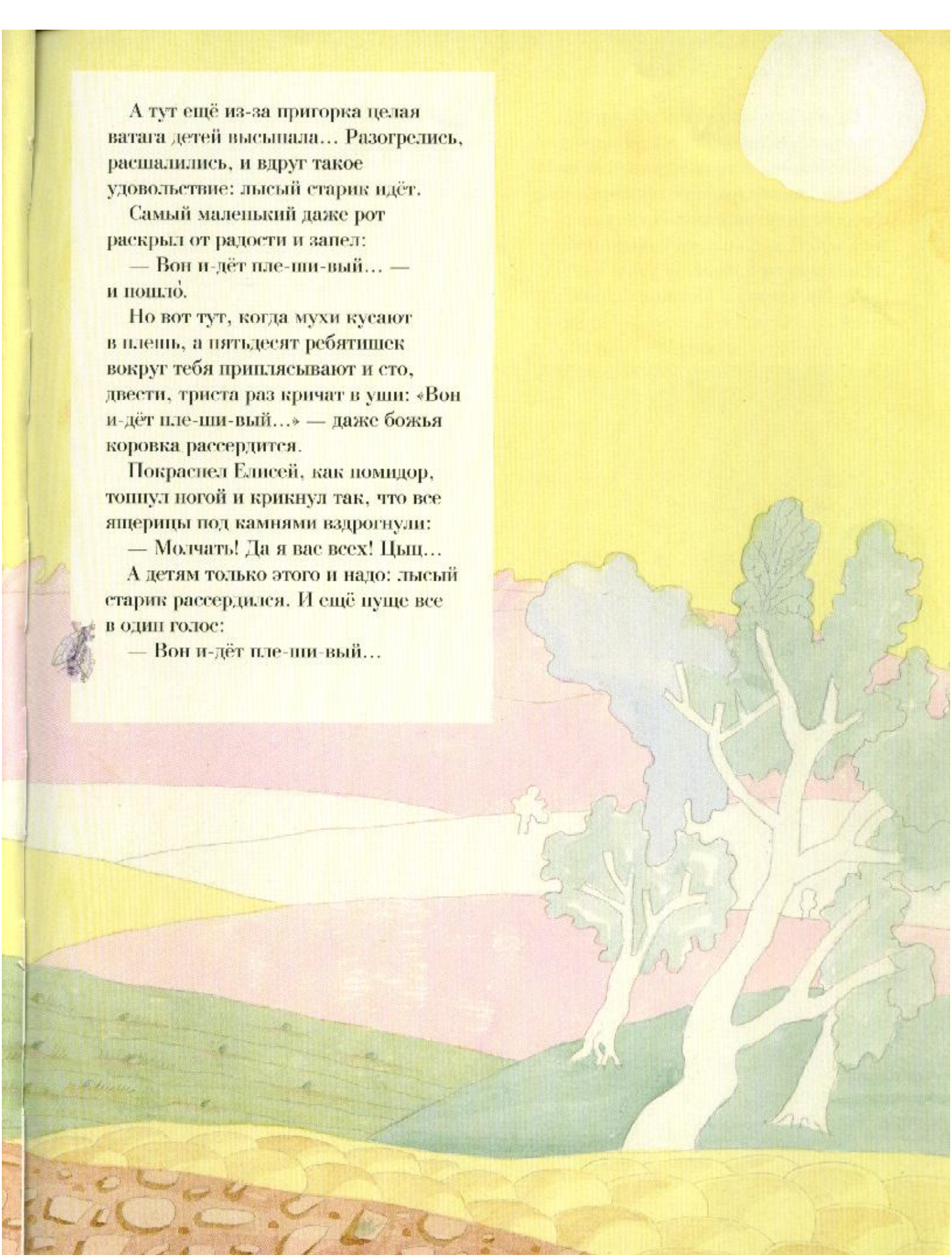
Но вот тут, когда мухи кусают в плешь, а пятьдесят ребятишек вокруг тебя приплясывают и сто, двести, триста раз кричат в уши: «Вон и-дёт пле-ши-вый…» — даже божья коровка рассердится.

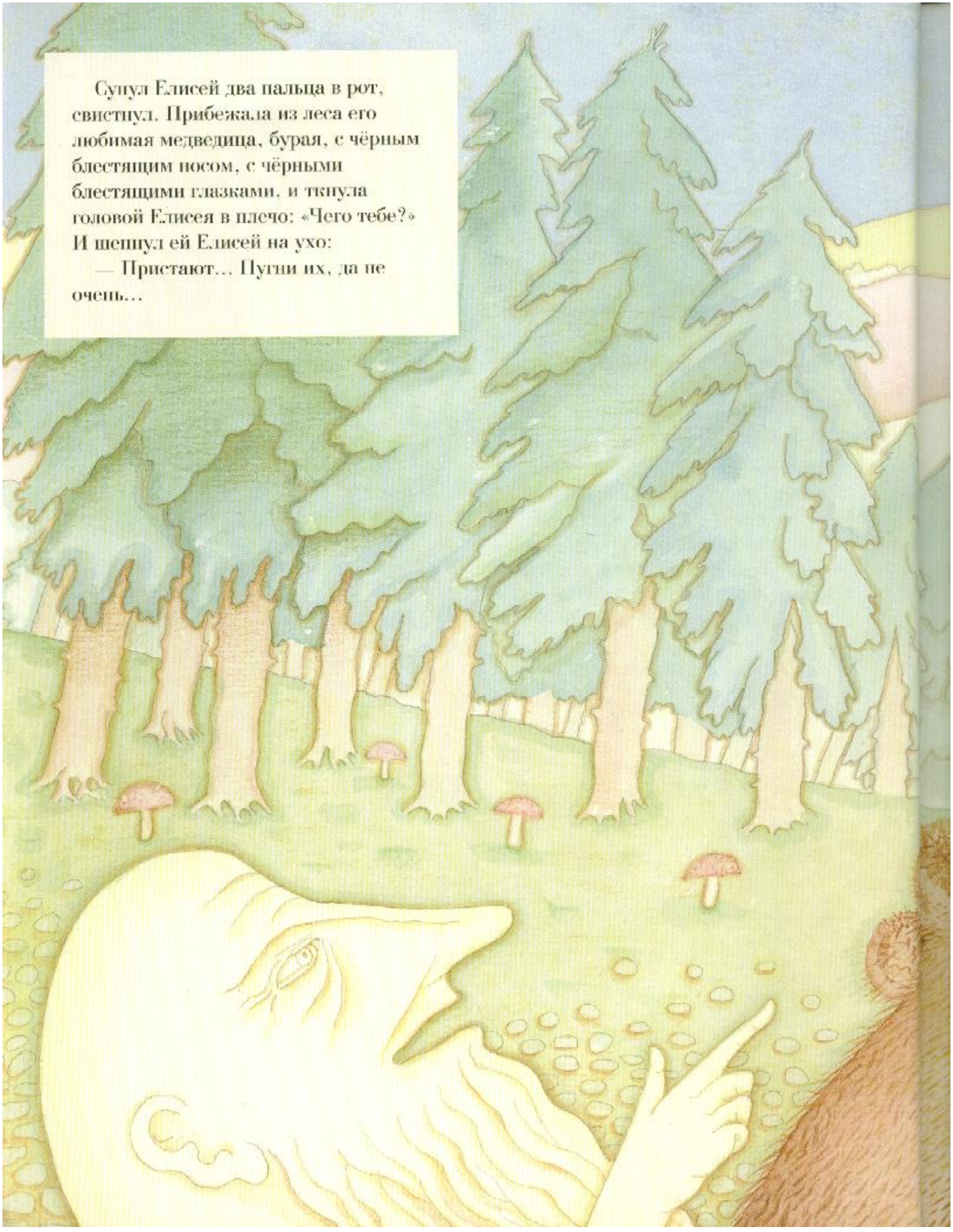
Покраснел Елисей, как помидор, топнул ногой и крикнул так, что все ящерицы под камнями вздрогнули:

— Молчать! Да я вас всех! Цыц…

А детям только этого и надо: лысый старик рассердился. И ещё пуще все в один голос:

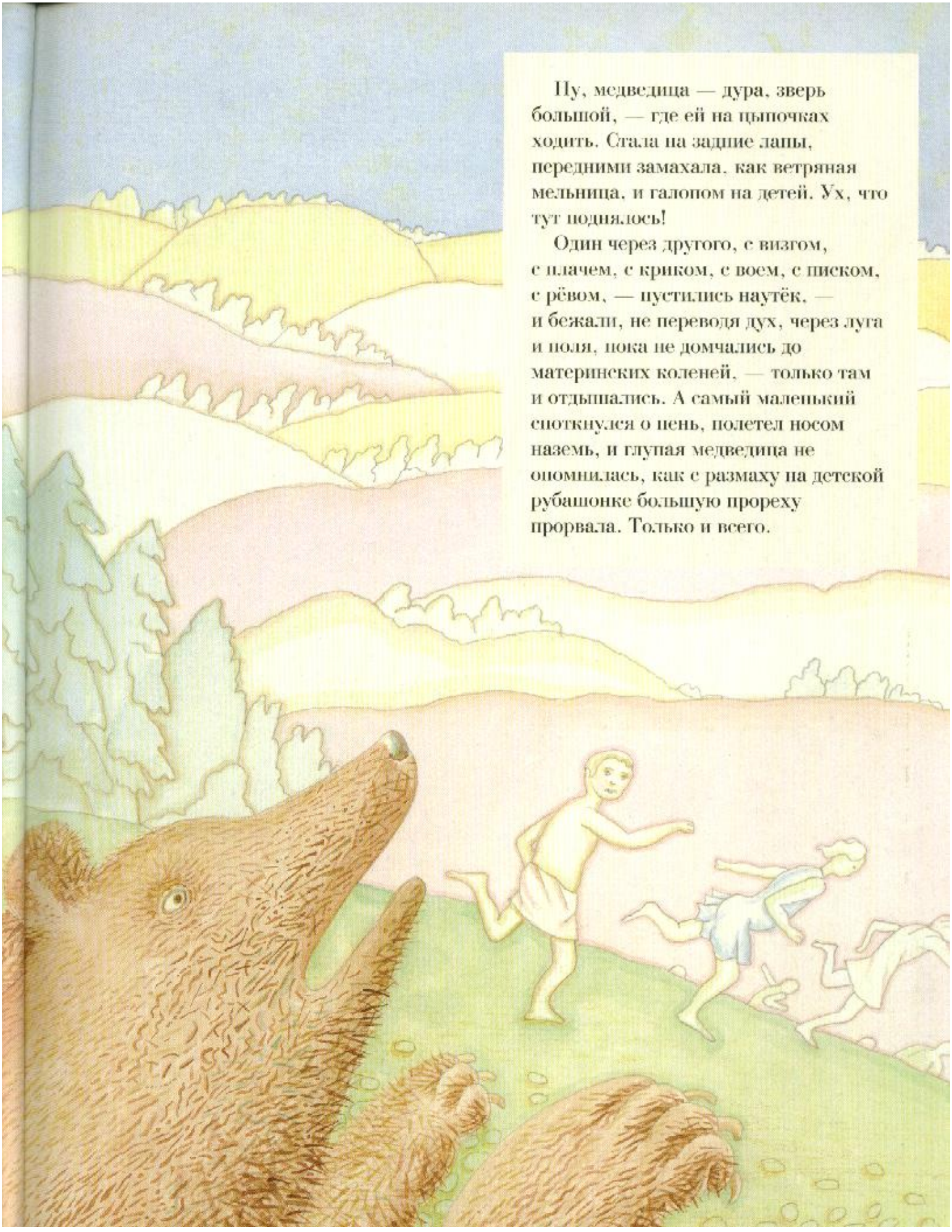
— Вон и-дёт пле-ши-вый…





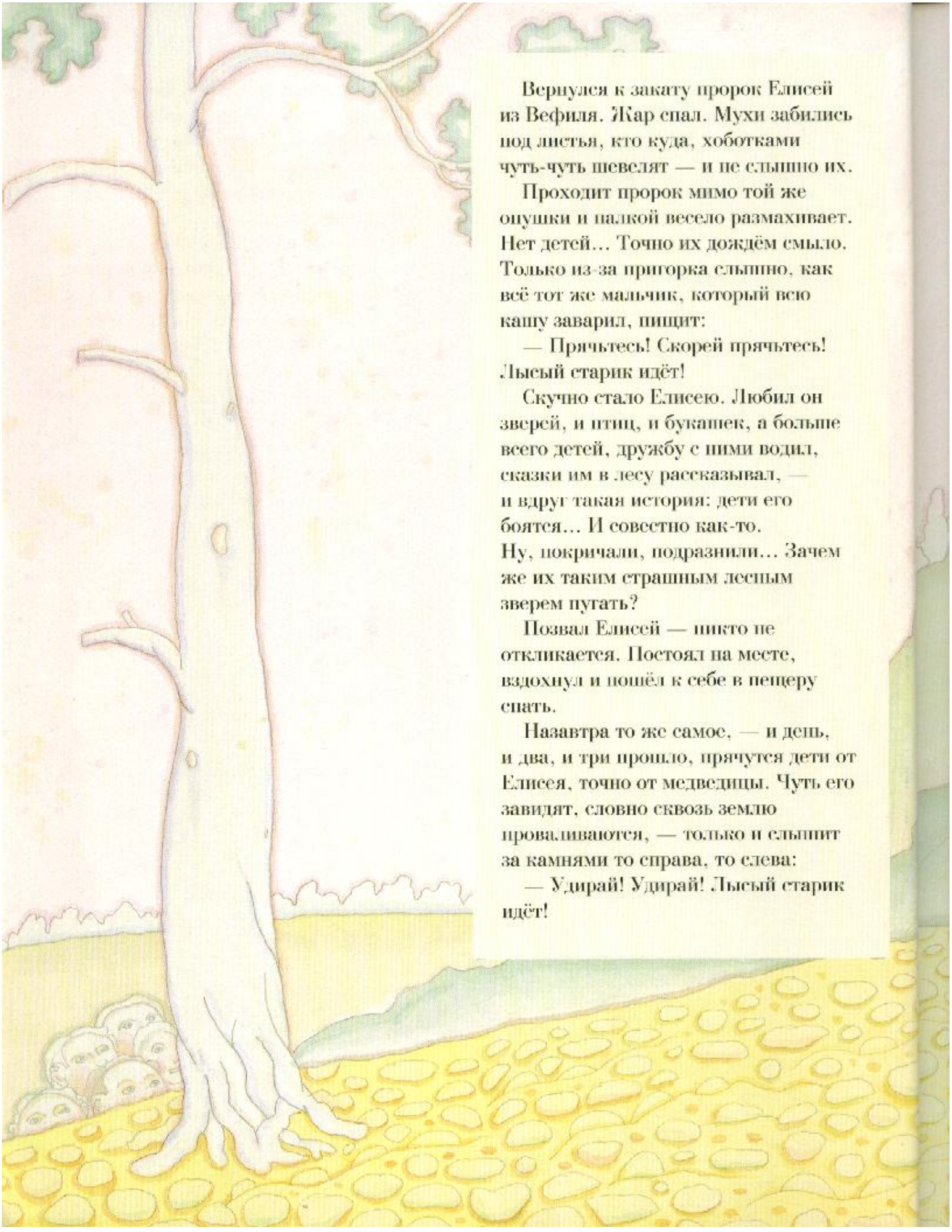
Сунул Елисей два пальца в рот, свистнул. Прибежала из леса его любимая медведица, бурая, с чёрным блестящим носом, с чёрными блестящими глазками, и ткнула головой Елисея в плечо: «Чего тебе?» И шепнул ей Елисей на ухо:

— Пристают... Пугни их, да не очень...



Ну, медведица — дура, зверь большой, — где ей на цыпочках ходить. Стала на задние лапы, передними замахала, как ветряная мельница, и галопом на детей. Ух, что тут поднялось!

Один через другого, с визгом, с плачем, с криком, с воем, с писком, с рёвом, — пустились наутёк, — и бежали, не переводя дух, через луга и поля, пока не домчались до материнских коленей, — только там и отдышались. А самый маленький споткнулся о пень, полетел носом наземь, и глупая медведица не опомнилась, как с размаху на детской рубашонке большую прореху прорвала. Только и всего.



Вернулся к закату пророк Елисей из Вефиля. Жар спал. Мухи забились под листья, кто куда, хоботками чуть-чуть шевелят — и не слышно их.

Проходит пророк мимо той же опушки и палкой весело размахивает. Нет детей… Точно их дождём смыло. Только из-за пригорка слышно, как всё тот же мальчик, который всю кашу заварил, пищит:

— Прячьтесь! Скорей прячьтесь! Лысый старик идёт!

Скучно стало Елисею. Любил он зверей, и птиц, и букашек, а больше всего детей, дружбу с ними водил, сказки им в лесу рассказывал, — и вдруг такая история: дети его боятся… И совестно как-то. Ну, покричали, подразнили… Зачем же их таким страшным лесным зверем пугать?

Позвал Елисей — никто не откликается. Постоял на месте, вздохнул и пошёл к себе в пещеру спать.

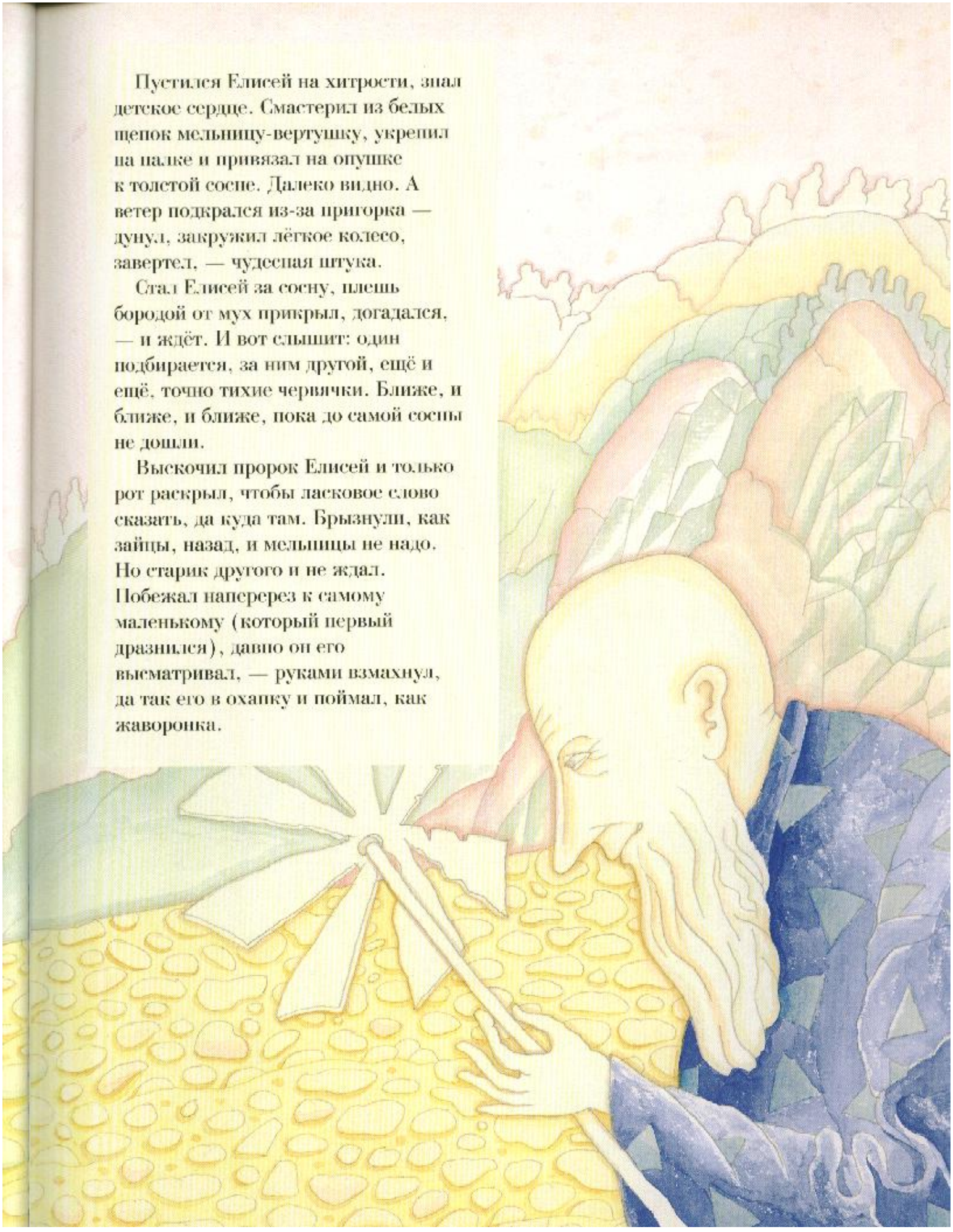
Назавтра то же самое, — и день, и два, и три прошло, прячутся дети от Елисея, точно от медведицы. Чуть его завидят, словно сквозь землю проваливаются, — только и слышит за камнями то справа, то слева:

— Удирай! Удирай! Лысый старик идёт!

Пустился Елисей на хитрости, знал детское сердце. Смастерил из белых щепок мельницу-вертушку, укрепил на палке и привязал на опушке к толстой сосне. Далеко видно. А ветер подкрался из-за пригорка — дунул, закружил лёгкое колесо, завертел, — чудесная штука.

Стал Елисей за сосну, плешь бородой от мух прикрыл, догадался, — и ждёт. И вот слышит: один подбирается, за ним другой, ещё и ещё, точно тихие червячки. Ближе, и ближе, и ближе, пока до самой сосны не дошли.

Выскочил пророк Елисей и только рот раскрыл, чтобы ласковое слово сказать, да куда там. Брызнули, как зайцы, назад, и мельницы не надо. Но старик другого и не ждал. Побежал наперерез к самому маленькому (который первый дразнился), давно он его высматривал, — руками взмахнул, да так его в охапку и поймал, как жаворонка.



— Пусти!

— Не пущу… — пыхтит Елисей, а сам только смотрит, чтобы мальчишка его ногами по носу не задел.

— Пусти, тебе говорят!

Но старик догадался: вынул румяное яблоко, дал мальчику, а сам его по голове шершавой рукой гладит:

— Ешь. Ну, чего ты от меня бежал? Разве я страшный?

Видит мальчик, что ничего, — яблоко дал, медведицы нет, — откусил половину, сам вбок смотрит, сердитый такой мальчишка, глаза блестят, — и говорит:

— Ничуть не страшный. Злой, а не страшный.

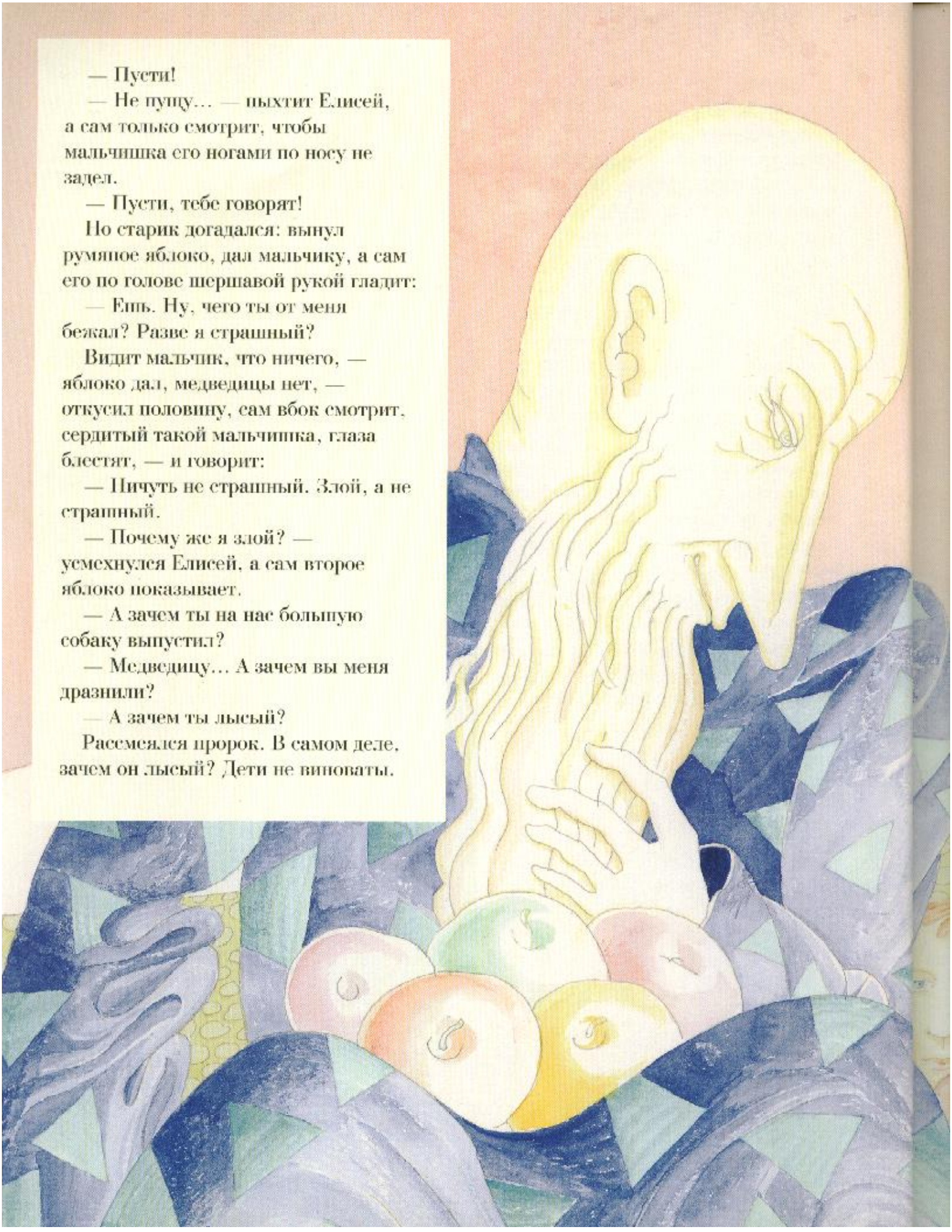
— Почему же я злой? — усмехнулся Елисей, а сам второе яблоко показывает.

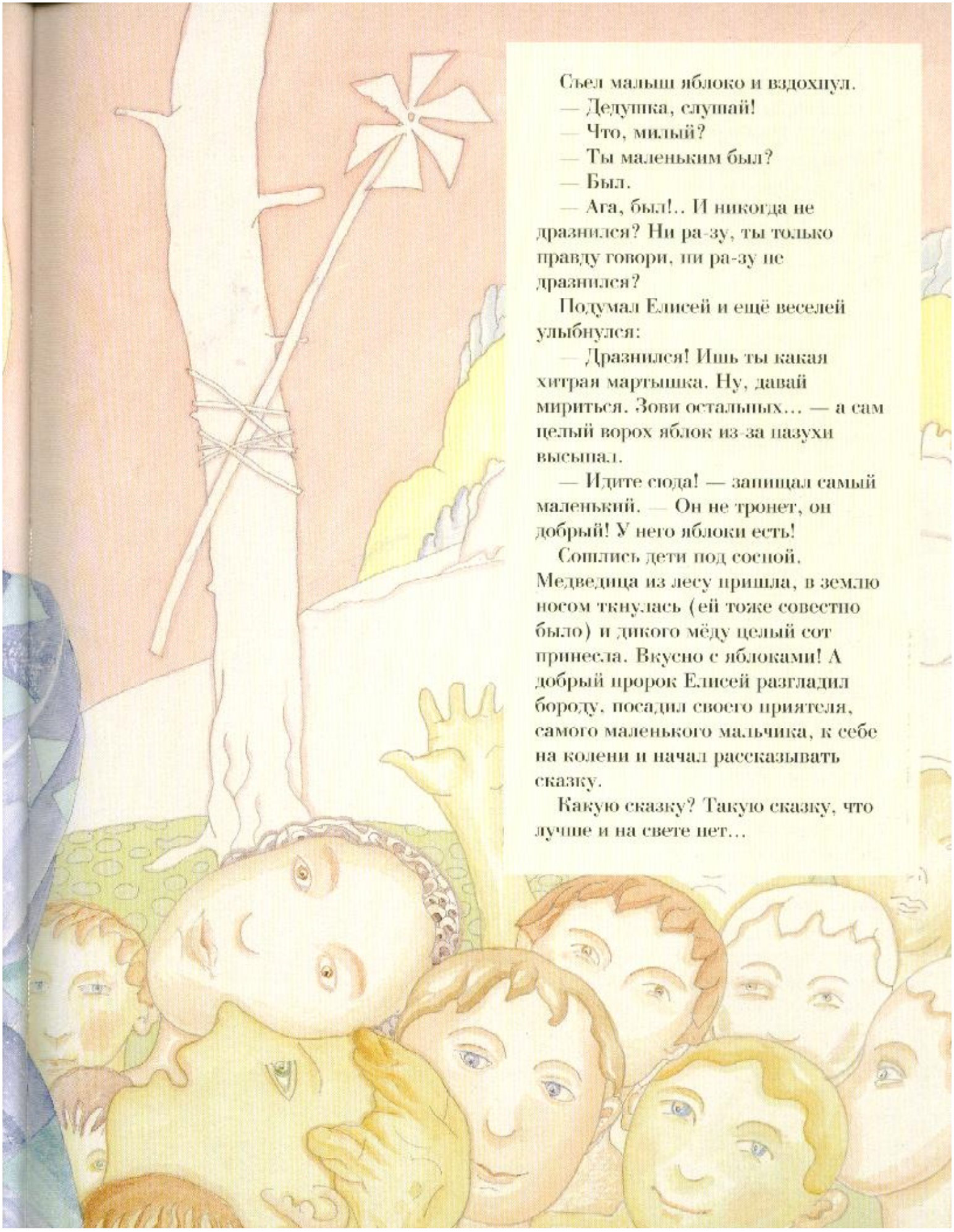
— А зачем ты на нас большую собаку выпустил?

— Медведицу… А зачем вы меня дразнили?

— А зачем ты лысый?

Рассмеялся пророк. В самом деле, зачем он лысый? Дети не виноваты.





Съел малыш яблоко и вздохнул.

— Дедушка, слушай!

— Что, милый?

— Ты маленьким был?

— Был.

— Ага, был!.. И никогда не дразнился? Ни ра-зу, ты только правду говори, ни ра-зу не дразнился?

Подумал Елисей и ещё веселей улыбнулся:

— Дразнился! Ишь ты какая хитрая мартышка. Ну, давай мириться. Зови остальных… — а сам целый ворох яблок из-за пазухи высыпал.

— Идите сюда! — запищал самый маленький. — Он не тронет, он добрый! У него яблоки есть!

Сошлись дети под сосной. Медведица из лесу пришла, в землю носом ткнулась (ей тоже совестно было) и дикого мёду целый сот принесла. Вкусно с яблоками! А добрый пророк Елисей разгладил бороду, посадил своего приятеля, самого маленького мальчика, к себе на колени и начал рассказывать сказку.

Какую сказку? Такую сказку, что лучше и на свете нет…

ПЕРВЫЙ ГРЕХ

На каком языке говорили в раю? Ты, верно, думаешь, что на русском... Я тоже так думал, когда был маленьким. Маленький француз, если спросишь его об этом, вынет палец изо рта и ответит: «Конечно, в раю говорили только по-французски!» Маленький немец не задумается: «По-немецки, как же иначе...» Но всё это не так.

В раю говорили на райском языке. Люди его сейчас позабыли, а звери, может быть, помнят, да и то не все. Чудесный это был язык: в нём совсем не было ни бранных, ни злых слов. Понимали его не только Адам и Ева и жившие с ними в раю крылатые духи, но и звери, и птицы, и бессловесные рыбы (даже рыбы!), и пчёлы, вечно перелетавшие с цветка на цветок, и качающиеся травы, и любая скромная ромашка, расцветавшая в тени райской ограды.

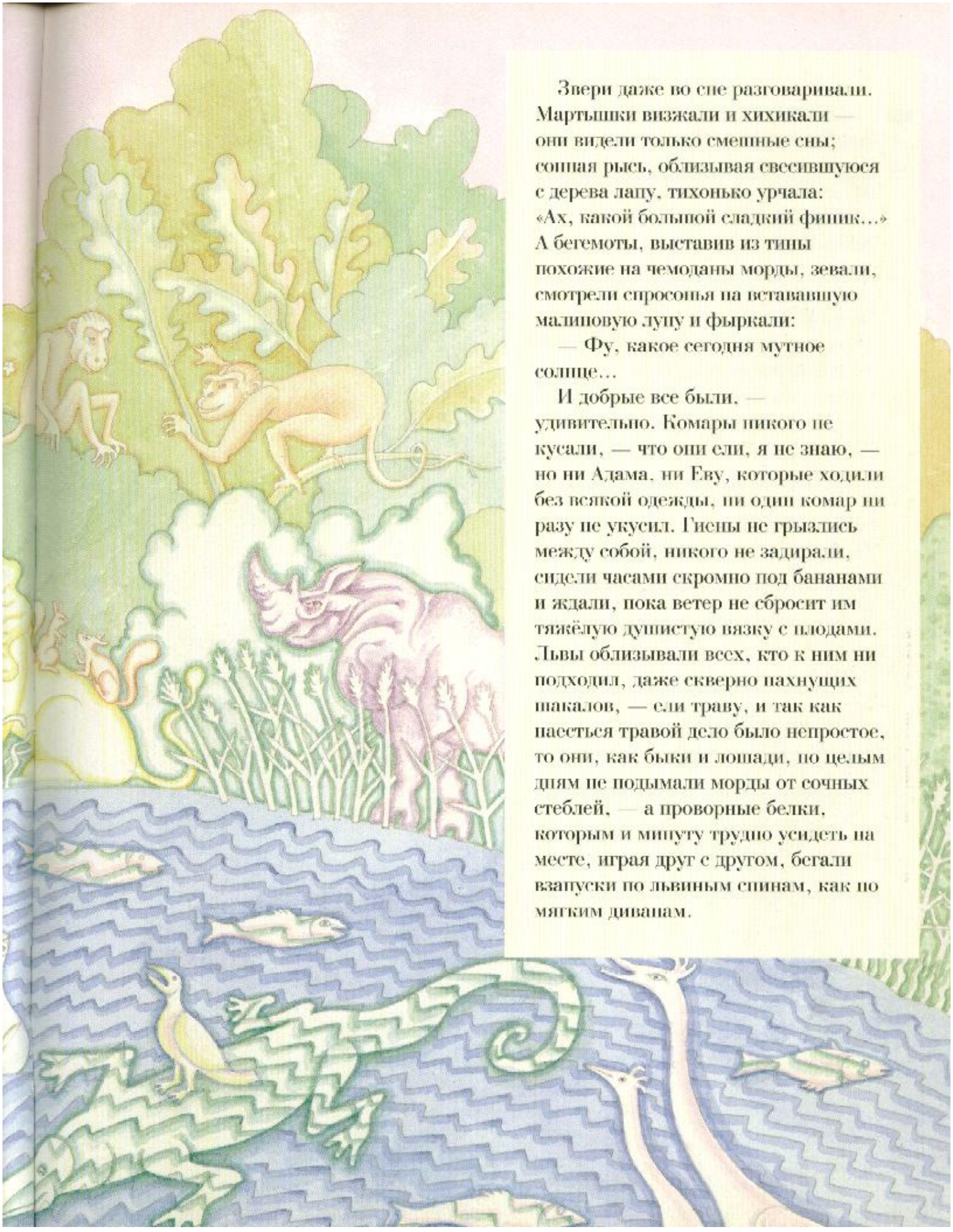
Вечерами травы шептали на лужайке под темнеющими пальмами:

— Тишина... Засыпаем...

— И мы... — отвечали, кивая тяжёлыми гроздьями, бананы.

— Спать! Спать! — гудели в воздухе райские золотые пчёлы, слетаясь на ночлег в дупло трехобхватного дуба, что рос у ручья возле тропинки к водопою.

— А где тут трава помягче? — бурчал неизменно каждый вечер грузный носорог, укладываясь среди колючего тростника на покой. Он тростник называл травой, и казался он ему мягче пуховой постели.



Звери даже во сне разговаривали. Мартышки визжали и хихикали — они видели только смешные сны; сонная рысь, облизывая свесившуюся с дерева лапу, тихонько урчала: «Ах, какой большой сладкий финик...» А бегемоты, выставив из тины похожие на чемоданы морды, зевали, смотрели спросонья на вставшую малиновую луну и фыркали:

— Фу, какое сегодня мутное солнце...

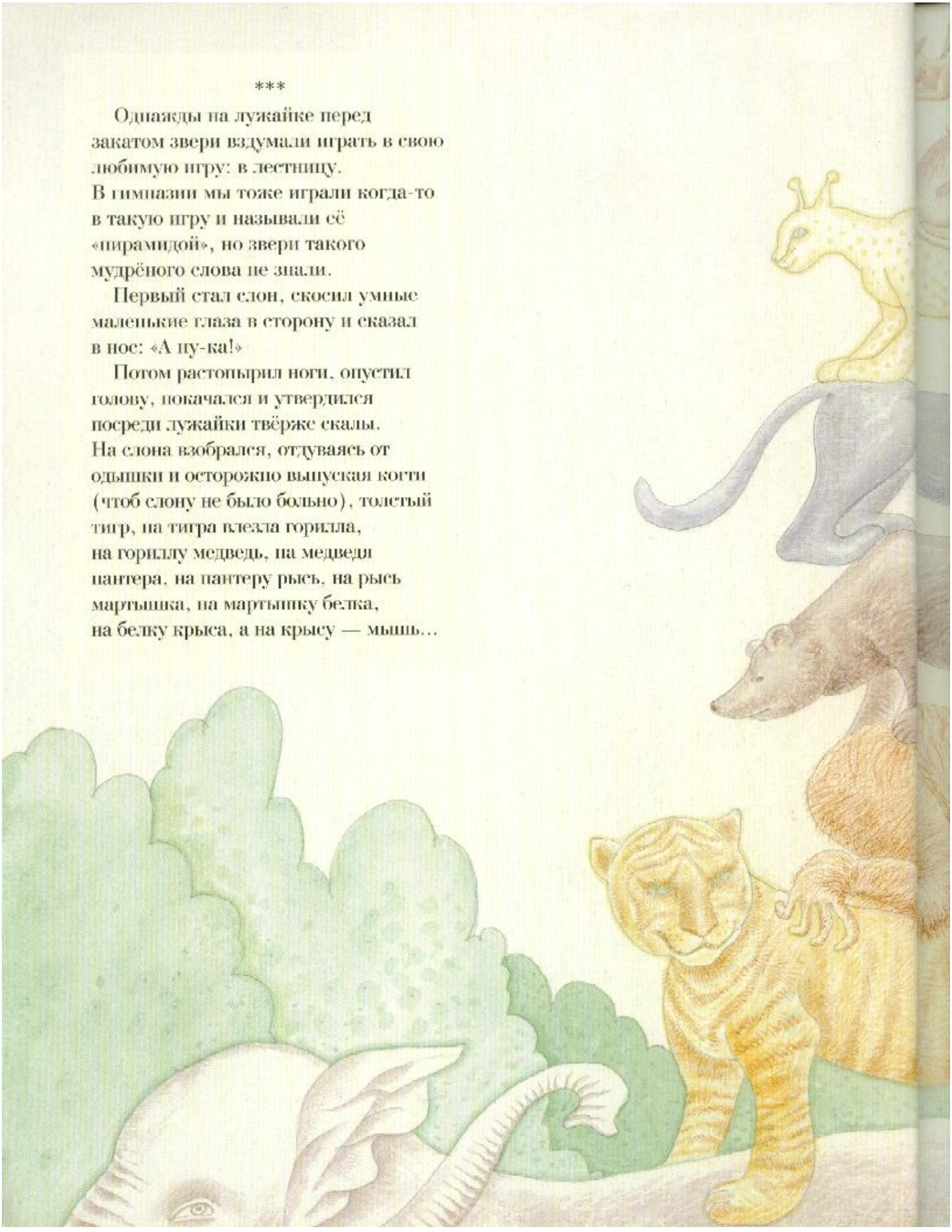
И добрые все были, — удивительно. Комары никого не кусали, — что они ели, я не знаю, — но ни Адама, ни Еву, которые ходили без всякой одежды, ни один комар ни разу не укусил. Гиены не грызлись между собой, никого не задирали, сидели часами скромно под бананами и ждали, пока ветер не сбросит им тяжёлую душистую вязку с плодами. Львы облизывали всех, кто к ним ни подходил, даже скверно пахнущих шакалов, — ели траву, и так как пастись травой дело было непростое, то они, как быки и лошади, по целым дням не подымали морды от сочных стеблей, — а проворные белки, которым и минуту трудно усидеть на месте, играя друг с другом, бегали взапуски по львиным спинам, как по мягким диванам.

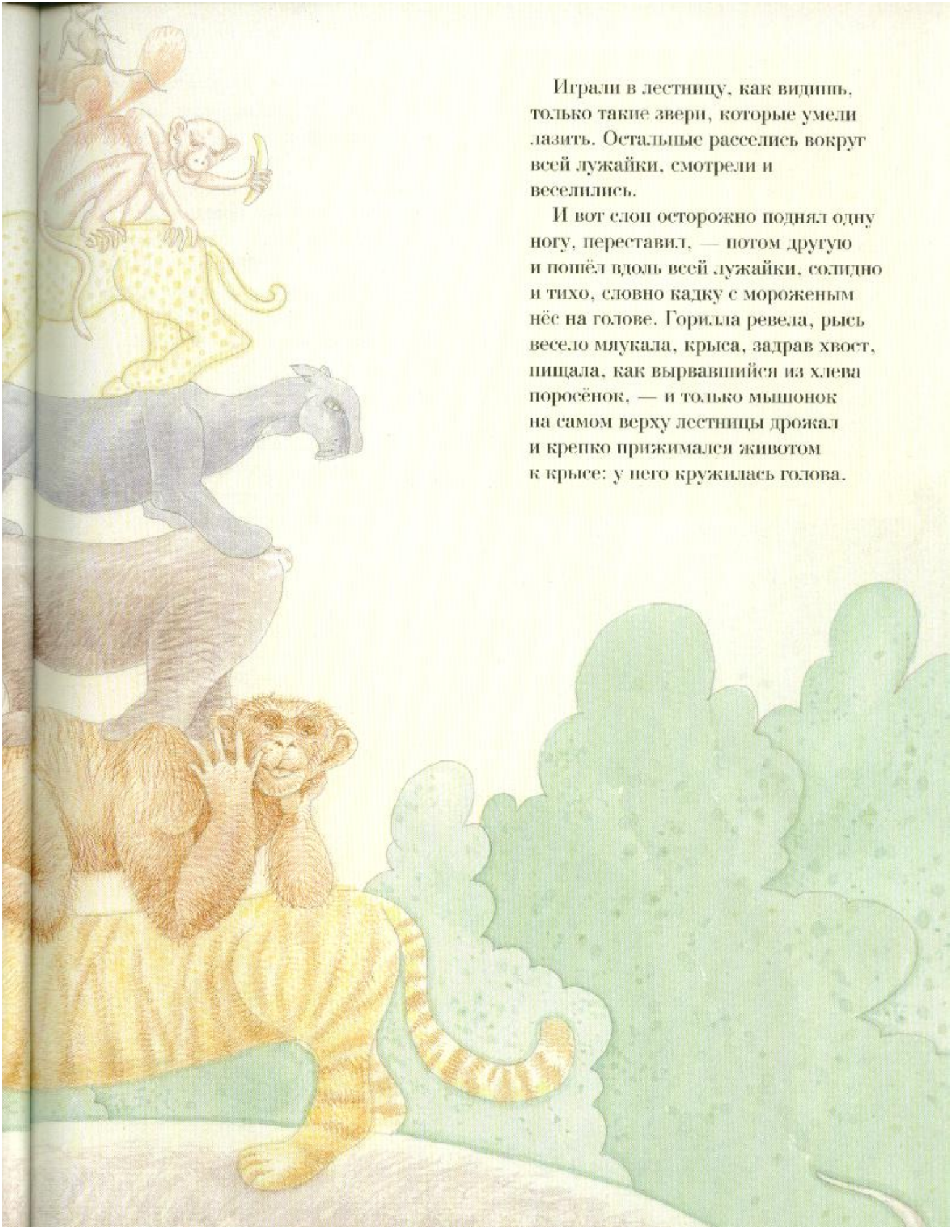
***

Однажды на лужайке перед закатом звери вздумали играть в свою любимую игру: в лестницу. В гимназии мы тоже играли когда-то в такую игру и называли её «пирамидой», но звери такого мудрёного слова не знали.

Первый стал слон, скосил умные маленькие глаза в сторону и сказал в нос: «А ну-ка!»

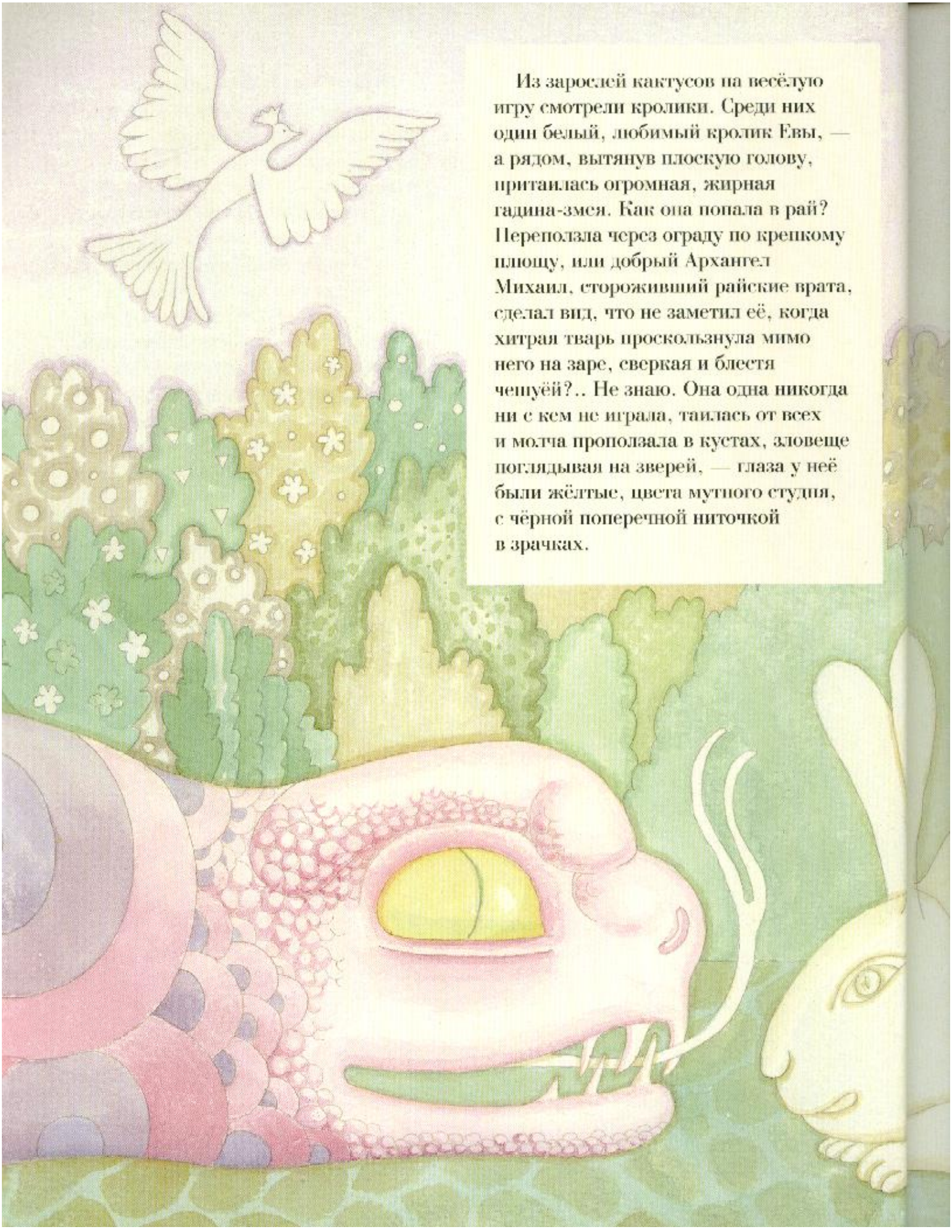
Потом растопырил ноги, опустил голову, покачался и утвердился посреди лужайки твёрже скалы. На слона взобрался, отдуваясь от одышки и осторожно выпуская когти (чтоб слону не было больно), толстый тигр, на тигра влезла горилла, на гориллу медведь, на медведя пантера, на пантеру рысь, на рысь мартышка, на мартышку белка, на белку крыса, а на крысу — мышь…





Играли в лестницу, как видишь, только такие звери, которые умели лазить. Остальные расселись вокруг всей лужайки, смотрели и веселились.

И вот слон осторожно поднял одну ногу, переставил, — потом другую и пошёл вдоль всей лужайки, солидно и тихо, словно кадку с мороженым нёс на голове. Горилла ревела, рысь весело мяукала, крыса, задрав хвост, пищала, как вырвавшийся из хлева поросёнок, — и только мышонок на самом верху лестницы дрожал и крепко прижимался животом к крысе: у него кружилась голова.

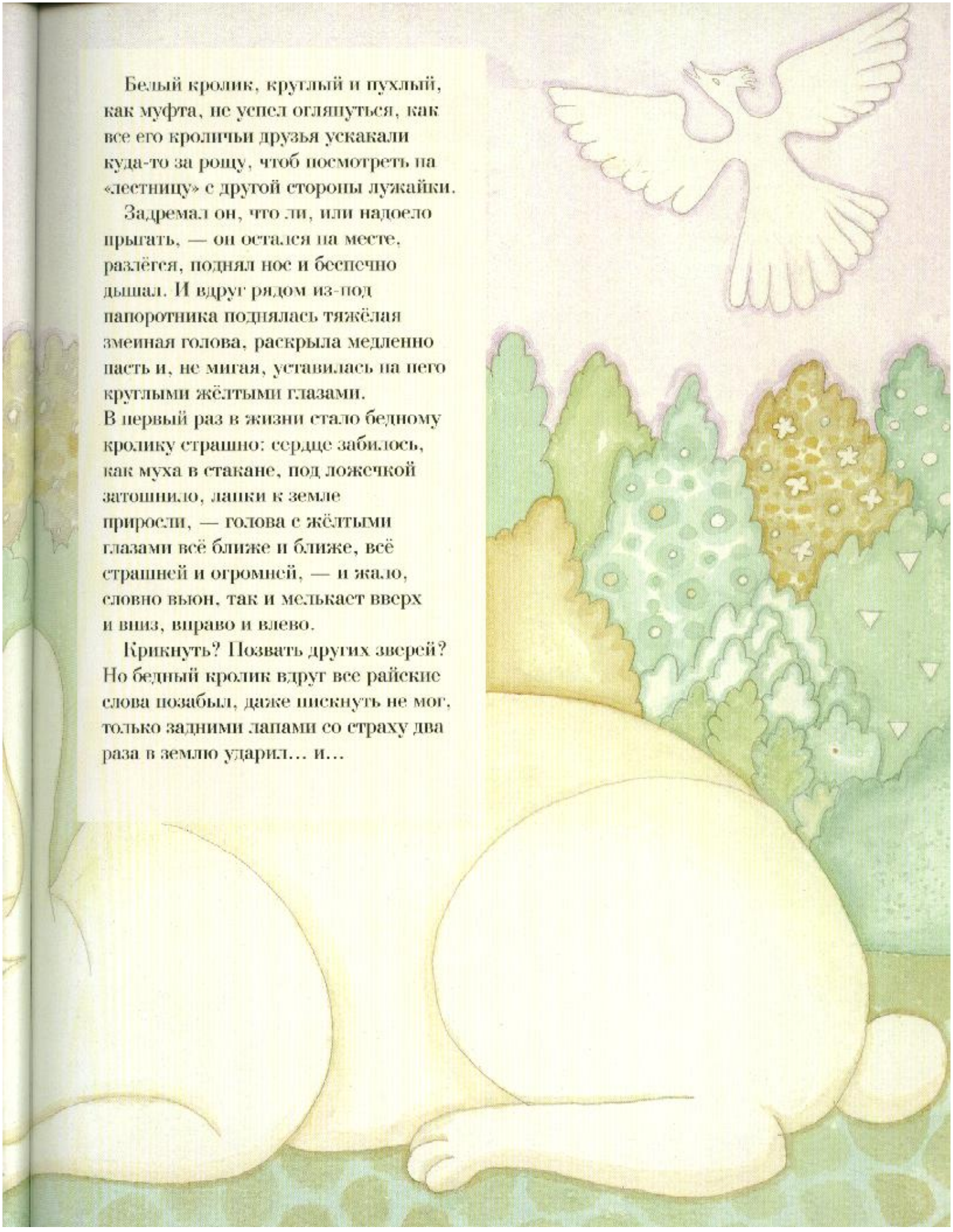


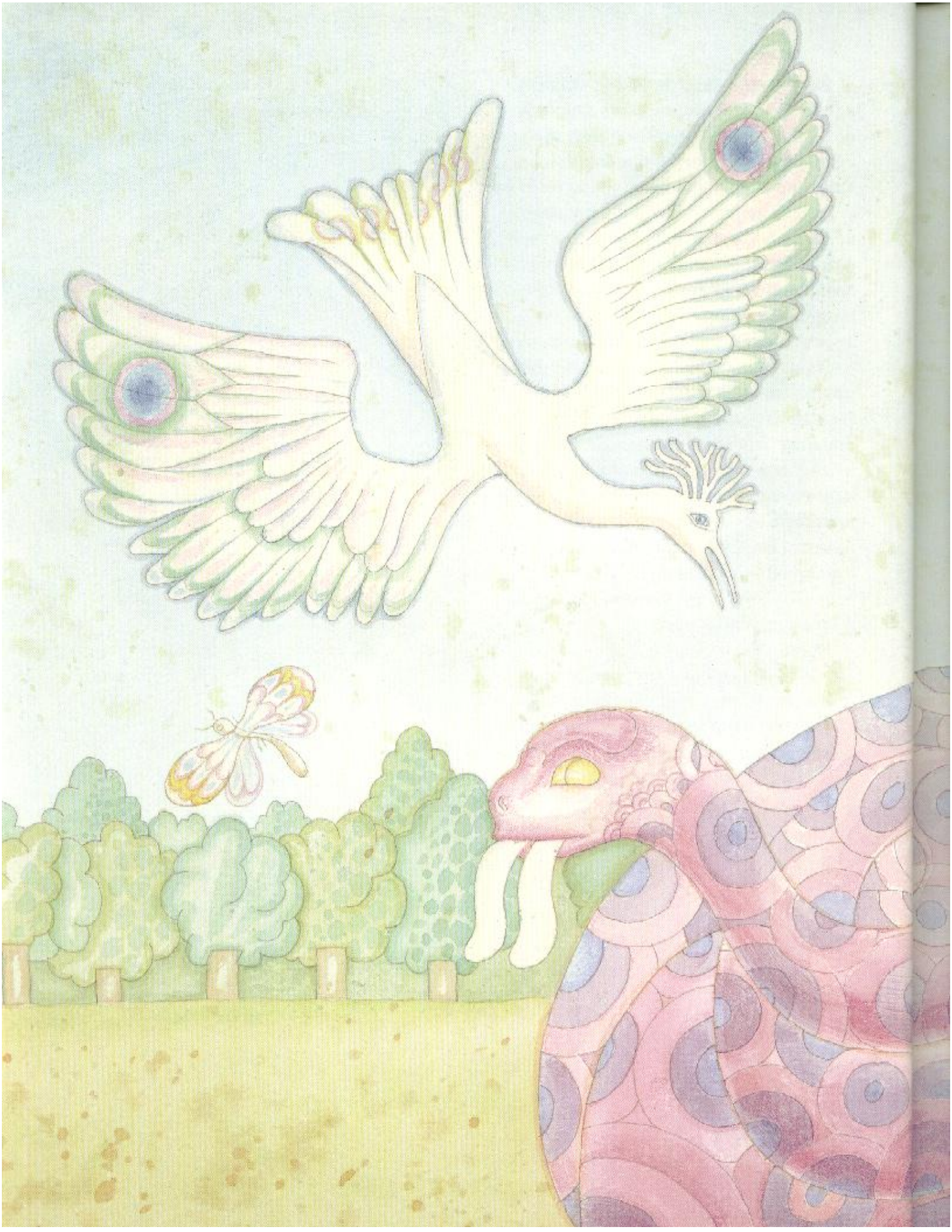
Из зарослей кактусов на весёлую игру смотрели кролики. Среди них один белый, любимый кролик Евы, — а рядом, вытянув плоскую голову, притаилась огромная, жирная гадина-змея. Как она попала в рай? Переползла через ограду по крепкому плющу, или добрый Архангел Михаил, сторживший райские врата, сделал вид, что не заметил её, когда хитрая тварь проскользнула мимо него на заре, сверкая и блестя чешуёй?.. Не знаю. Она одна никогда ни с кем не играла, таилась от всех и молча проползала в кустах, зловеще поглядывая на зверей, — глаза у неё были жёлтые, цвета мутного студня, с чёрной поперечной ниточкой в зрачках.

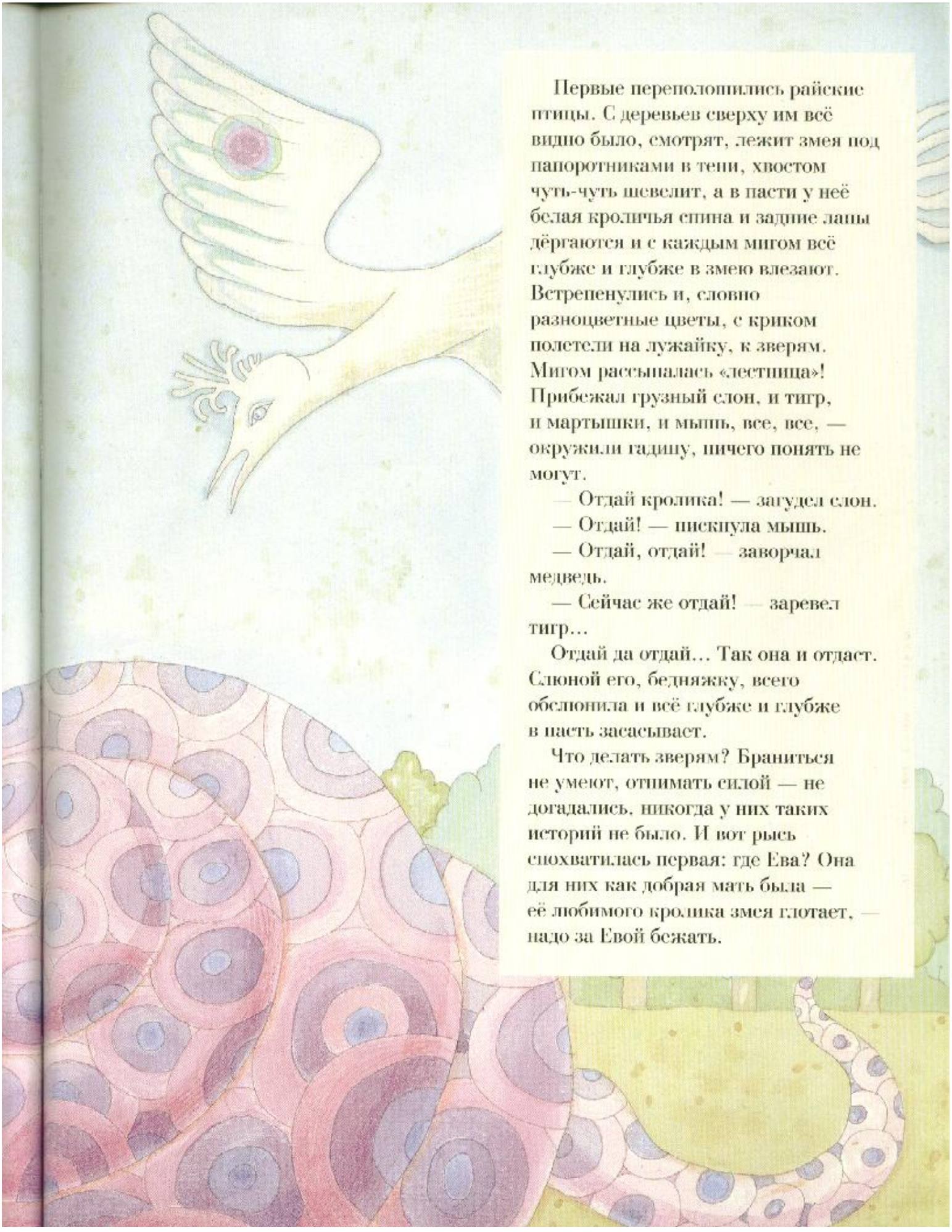
Белый кролик, круглый и пухлый, как муфта, не успел оглянуться, как все его кроличьи друзья ускакали куда-то за рощу, чтоб посмотреть на «лестницу» с другой стороны лужайки.

Задремал он, что ли, или надоело прыгать, — он остался на месте, разлёгся, поднял нос и беспечно дышал. И вдруг рядом из-под папоротника поднялась тяжёлая змеиная голова, раскрыла медленно пасть и, не мигая, уставилась на него круглыми жёлтыми глазами.
В первый раз в жизни стало бедному кролику страшно: сердце забилось, как муха в стакане, под ложечкой затошнило, лапки к земле приросли, — голова с жёлтыми глазами всё ближе и ближе, всё страшней и огромней, — и жало, словно вьюн, так и мелькает вверх и вниз, вправо и влево.

Крикнуть? Позвать других зверей? Но бедный кролик вдруг все райские слова позабыл, даже пискнуть не мог, только задними лапами со страху два раза в землю ударил… и…







Первые переполошились райские птицы. С деревьев сверху им всё видно было, смотрят, лежит змея под папоротниками в тени, хвостом чуть-чуть шевелит, а в пасти у неё белая кроличья спина и задние лапы дёргаются и с каждым мигом всё глубже и глубже в змею влезают. Встрепенулись и, словно разноцветные цветы, с криком полетели на лужайку, к зверям. Мигом рассыналась «лестница»! Прибежал грузный слон, и тигр, и мартышки, и мышь, все, все, — окружили гадину, ничего понять не могут.

— Отдай кролика! — загудел слон.

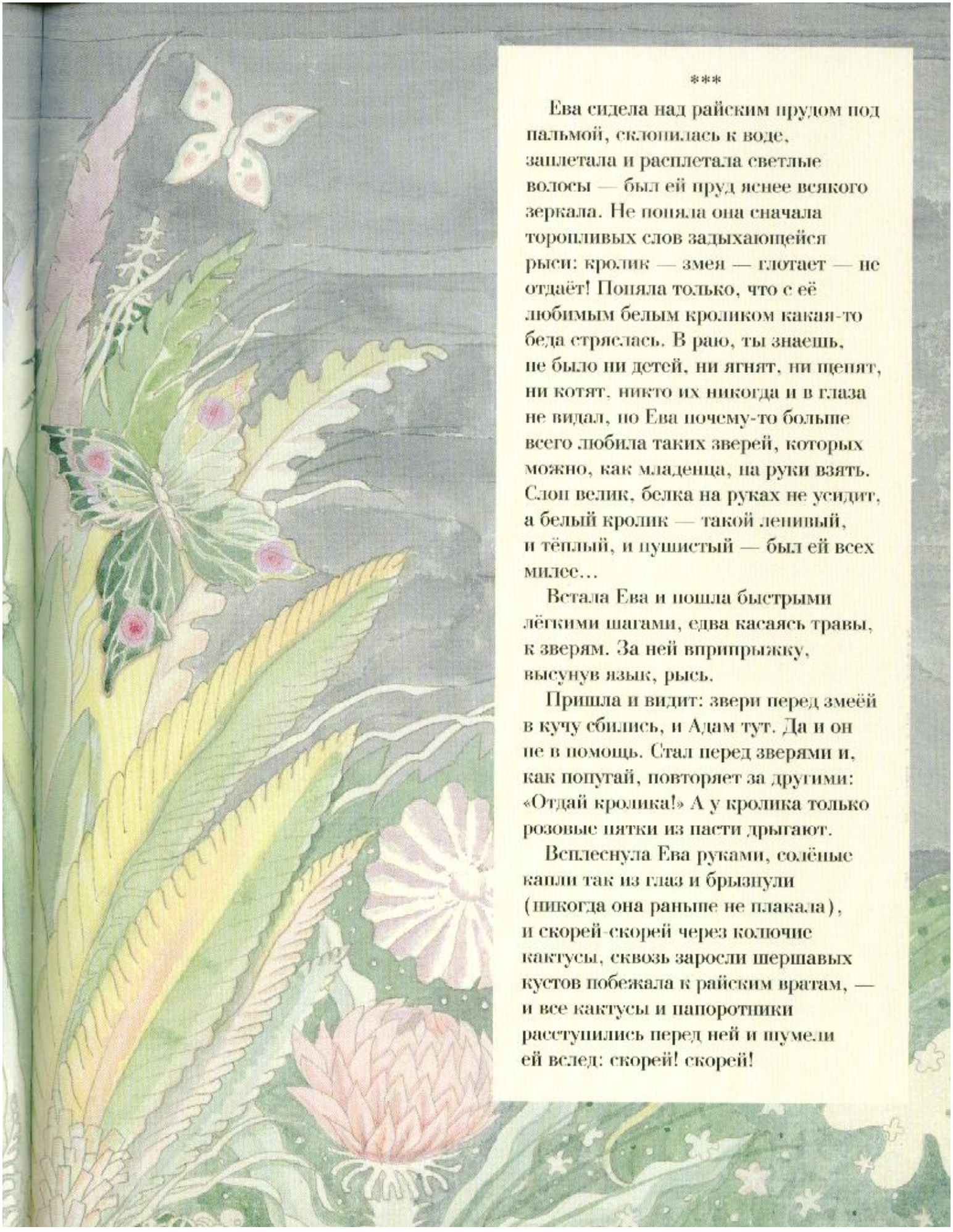
— Отдай! — пискнула мышь.

— Отдай, отдай! — заворчал медведь.

— Сейчас же отдай! — заревел тигр…

Отдай да отдай… Так она и отдаст. Слюной его, бедняжку, всего обслюнила и всё глубже и глубже в пасть засасывает.

Что делать зверям? Браниться не умеют, отнимать силой — не догадались, никогда у них таких историй не было. И вот рысь спохватилась первая: где Ева? Она для них как добрая мать была — её любимого кролика змея глотает, — надо за Евой бежать.



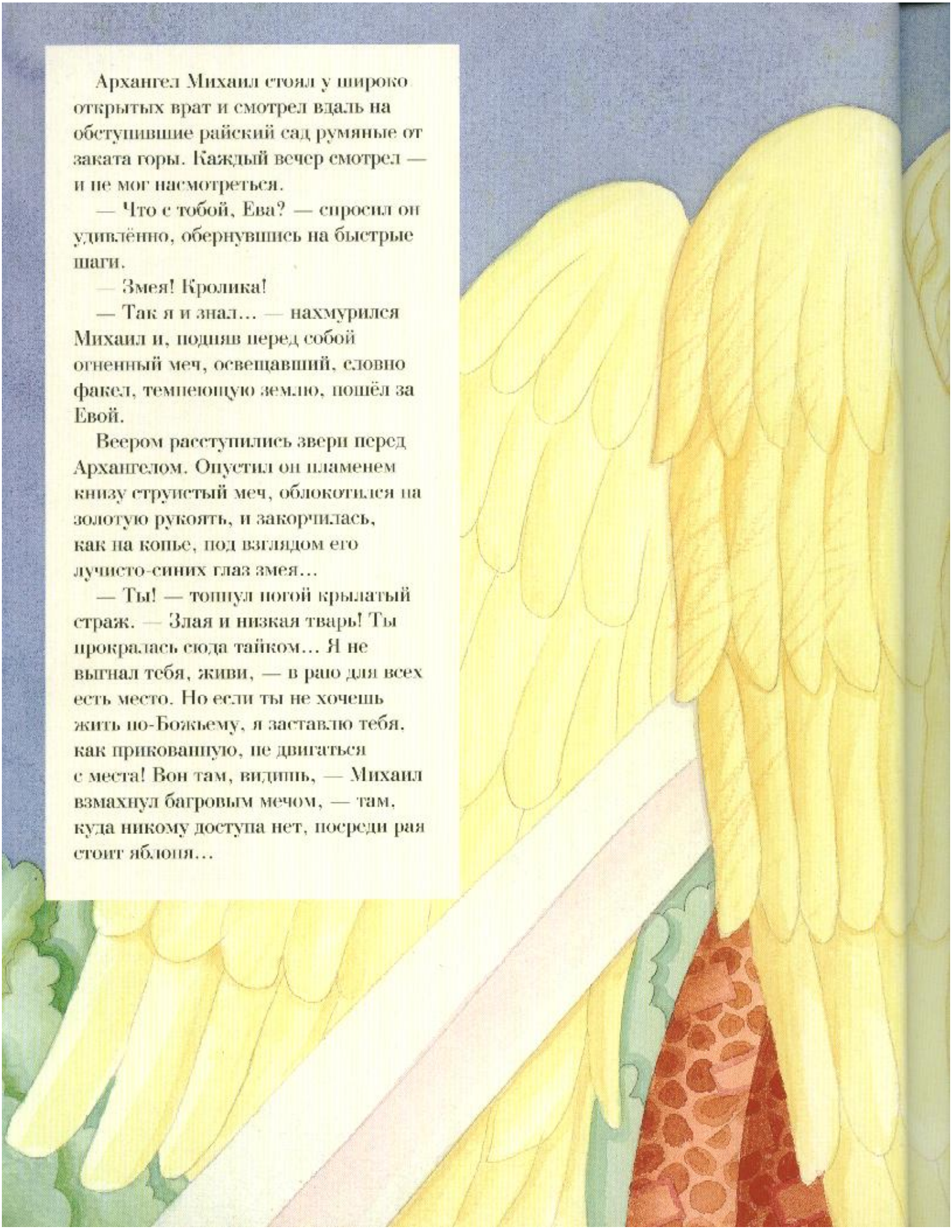
***

Ева сидела над райским прудом под пальмой, склонилась к воде, заплетала и расплетала светлые волосы — был ей пруд яснее всякого зеркала. Не поняла она сначала торопливых слов задыхающейся рыси: кролик — змея — глотает — не отдаёт! Поняла только, что с её любимым белым кроликом какая-то беда стряслась. В раю, ты знаешь, не было ни детей, ни ягнят, ни щенят, ни котят, никто их никогда и в глаза не видал, но Ева почему-то больше всего любила таких зверей, которых можно, как младенца, на руки взять. Слон велик, белка на руках не усидит, а белый кролик — такой ленивый, и тёплый, и пушистый — был ей всех милее…

Встала Ева и пошла быстрыми лёгкими шагами, едва касаясь травы, к зверям. За ней вприпрыжку, высунув язык, рысь.

Пришла и видит: звери перед змеёй в кучу сбились, и Адам тут. Да и он не в помощь. Стал перед зверями и, как попугай, повторяет за другими: «Отдай кролика!» А у кролика только розовые пятки из пасти дрыгают.

Всплеснула Ева руками, солёные капли так из глаз и брызнули (никогда она раньше не плакала), и скорей-скорей через колючие кактусы, сквозь заросли шершавых кустов побежала к райским вратам, — и все кактусы и папоротники расступились перед ней и шумели ей вслед: скорей! скорей!



Архангел Михаил стоял у широко открытых врат и смотрел вдаль на обступившие райский сад румяные от заката горы. Каждый вечер смотрел — и не мог насмотреться.

— Что с тобой, Ева? — спросил он удивлённо, обернувшись на быстрые шаги.

— Змея! Кролика!

— Так я и знал… — нахмурился Михаил и, подняв перед собой огненный меч, освещавший, словно факел, темнеющую землю, пошёл за Евой.

Веером расступились звери перед Архангелом. Опустил он пламенем книзу струистый меч, облокотился на золотую рукоять, и закорчилась, как на копье, под взглядом его лучисто-синих глаз змея…

— Ты! — топнул ногой крылатый страж. — Злая и низкая тварь! Ты прокралась сюда тайком… Я не выгнал тебя, живи, — в раю для всех есть место. Но если ты не хочешь жить по-Божьему, я заставлю тебя, как прикованную, не двигаться с места! Вон там, видишь, — Михаил взмахнул багровым мечом, — там, куда никому доступа нет, посреди рая стоит яблоня…

— Древо познания добра и зла? — быстро спросила любопытная Ева, с трудом выговаривая странное слово «зло».

— Да, добра и зла, — строго ответил Архангел. — Ни днем, ни ночью, — наклонился он к змее, — не смеешь ты сползать со ствола: лежи и сторожи... Ступай!

Змея покорно шевельнулась и медленно поползла.

— А кролик, а кролик! — закричала взволнованная Ева.

— Отдай кролика, — тихо сказал Архангел. Змея поползла дальше.

— Отдай кролика! — верхушки пальм вздрогнули, так крикнул Архангел.

Понатужилась змея и, сверкая жёлтыми глазами, как резиновый мячик выбросила из толстой пасти чуть живой комочек к ногам Евы.

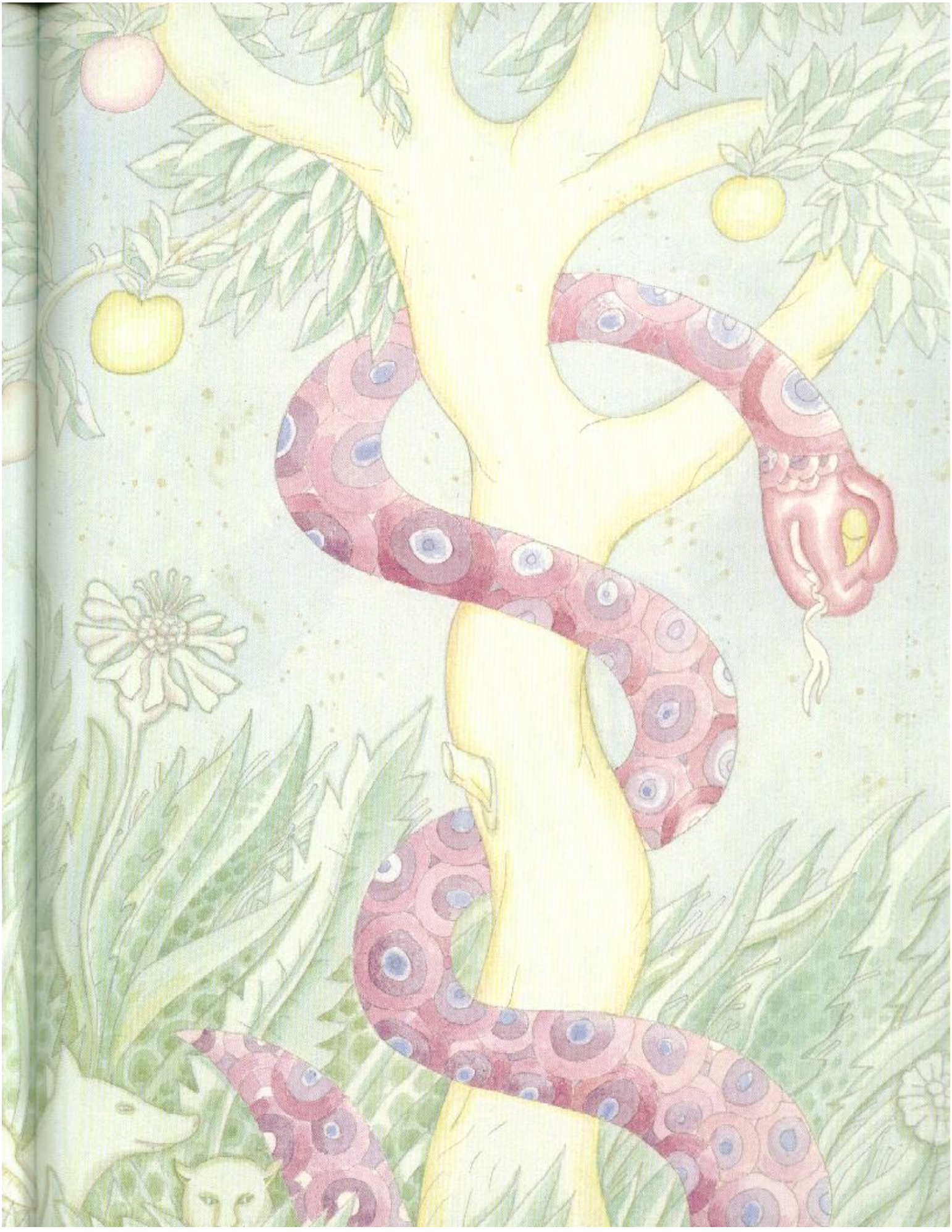
Бедный кролик! Он едва дышал, чихал и дрожал и был весь мокрый, словно новорожденный котёнок. Только на руках у Евы стал он приходить в себя и дышать ровнее...

Ушёл Архангел к вратам. Разбрелись на ночлег удивлённые звери. И, шумя потемневшей травой, проползая мимо ног испуганной Евы к заповедному дереву, злобно прошипела, блестя тусклой чешуёю, змея:

— Жа-ло-вать-ся?! Ну погоди же, я тебе отомщу!..

.....

Как она отомстила, ты, верно, уже знаешь, — прочёл в школе. А не прочел, так узнаешь в своё время.



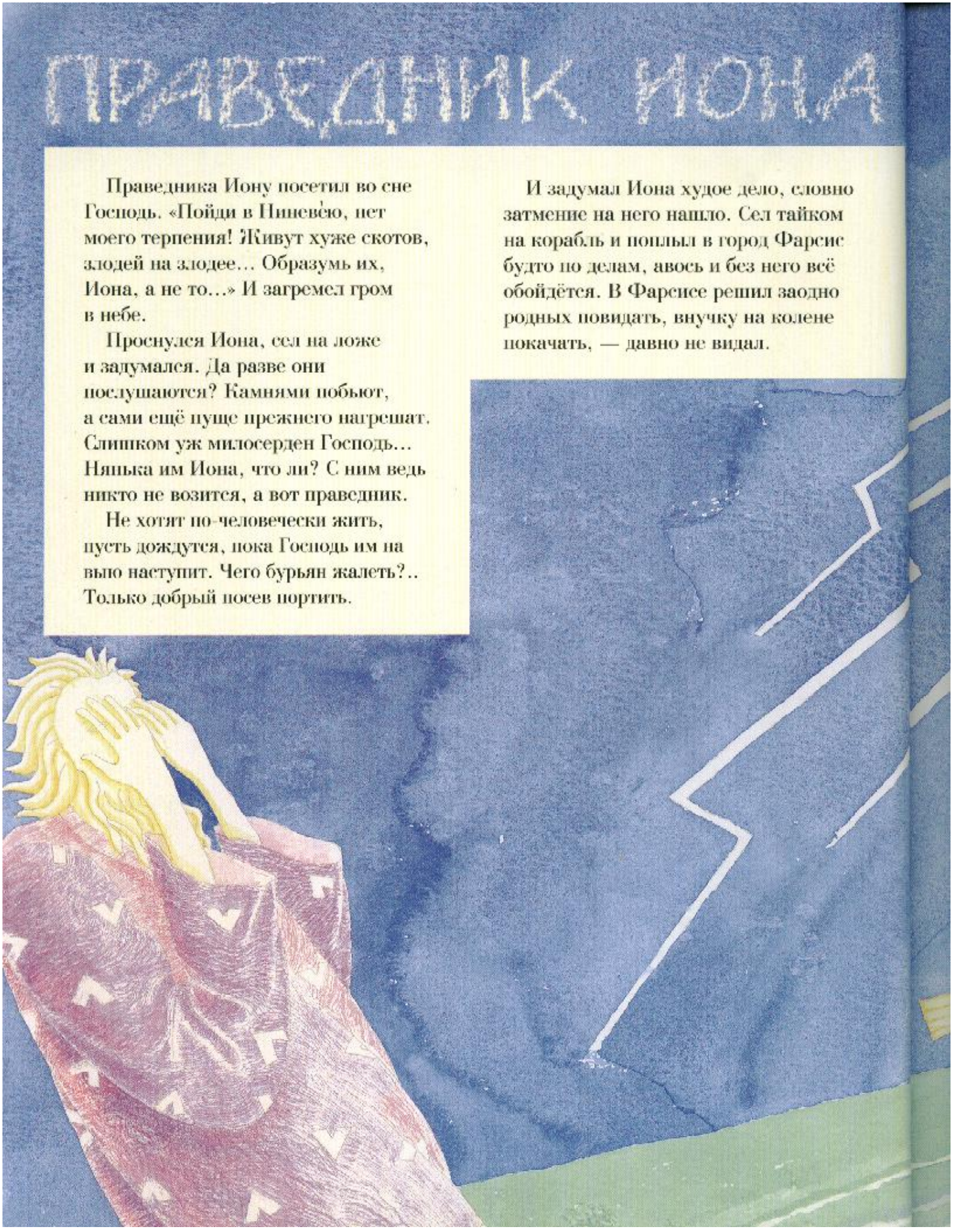
ПРАВЕДНИК ИОНА

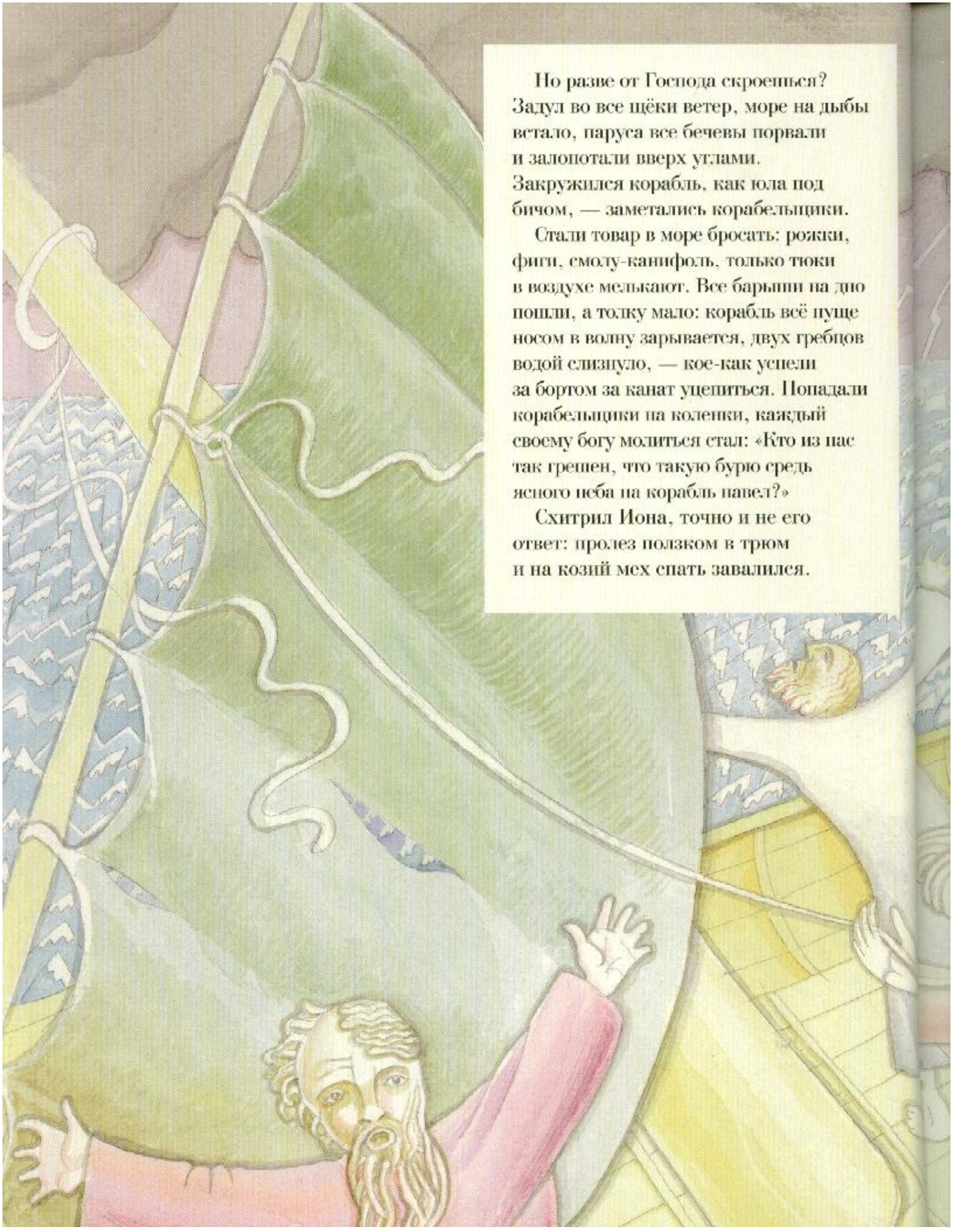
Праведника Иону посетил во сне Господь. «Пойди в Ниневе́ю, нет моего терпения! Живут хуже скотов, злодей на злодее… Образумь их, Иона, а не то…» И загремел гром в небе.

Проснулся Иона, сел на ложе и задумался. Да разве они послушаются? Камнями побьют, а сами ещё пуще прежнего нагрешат. Слишком уж милосерден Господь… Нянька им Иона, что ли? С ним ведь никто не возится, а вот праведник.

Не хотят по-человечески жить, пусть дождутся, пока Господь им на выю наступит. Чего бурьян жалеть?.. Только добрый посев портить.

И задумал Иона худое дело, словно затмение на него нашло. Сел тайком на корабль и поплыл в город Фарсис будто по делам, авось и без него всё обойдётся. В Фарсисе решил заодно родных повидать, внучку на колене покачать, — давно не видал.

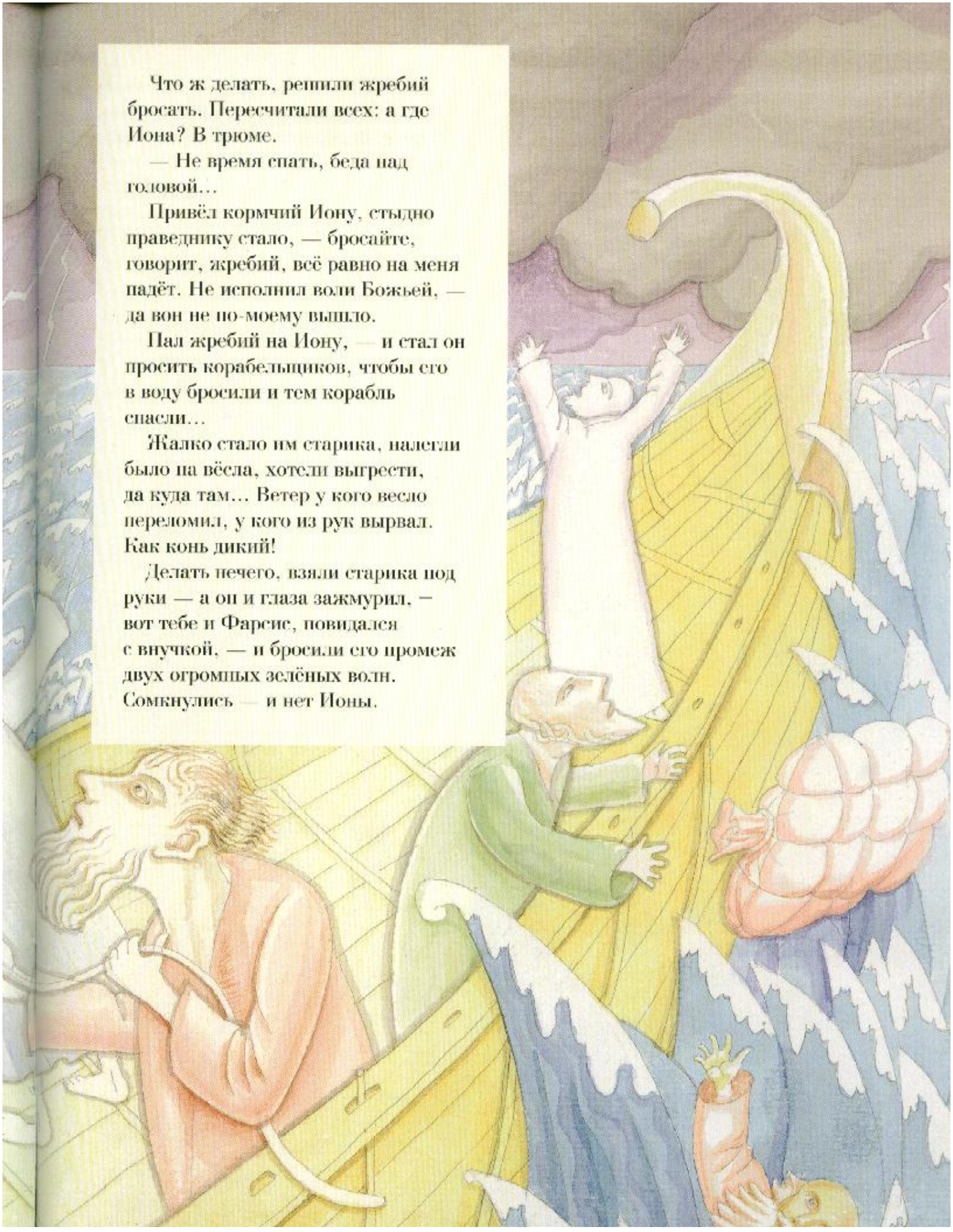




Но разве от Господа скроешься? Задул во все щёки ветер, море на дыбы встало, паруса все бечевы порвали и залопотали вверх углами. Закружился корабль, как юла под бичом, — заметались корабельщики.

Стали товар в море бросать: рожки, фиги, смолу-канифоль, только тюки в воздухе мелькают. Все барыши на дно пошли, а толку мало: корабль всё пуще носом в волну зарывается, двух гребцов водой слизнуло, — кое-как успели за бортом за канат уцепиться. Попадали корабельщики на коленки, каждый своему богу молиться стал: «Кто из нас так грешен, что такую бурю средь ясного неба на корабль навел?»

Схитрил Иона, точно и не его ответ: пролез ползком в трюм и на козий мех спать завалился.



Что ж делать, решили жребий бросать. Пересчитали всех: а где Иона? В трюме.

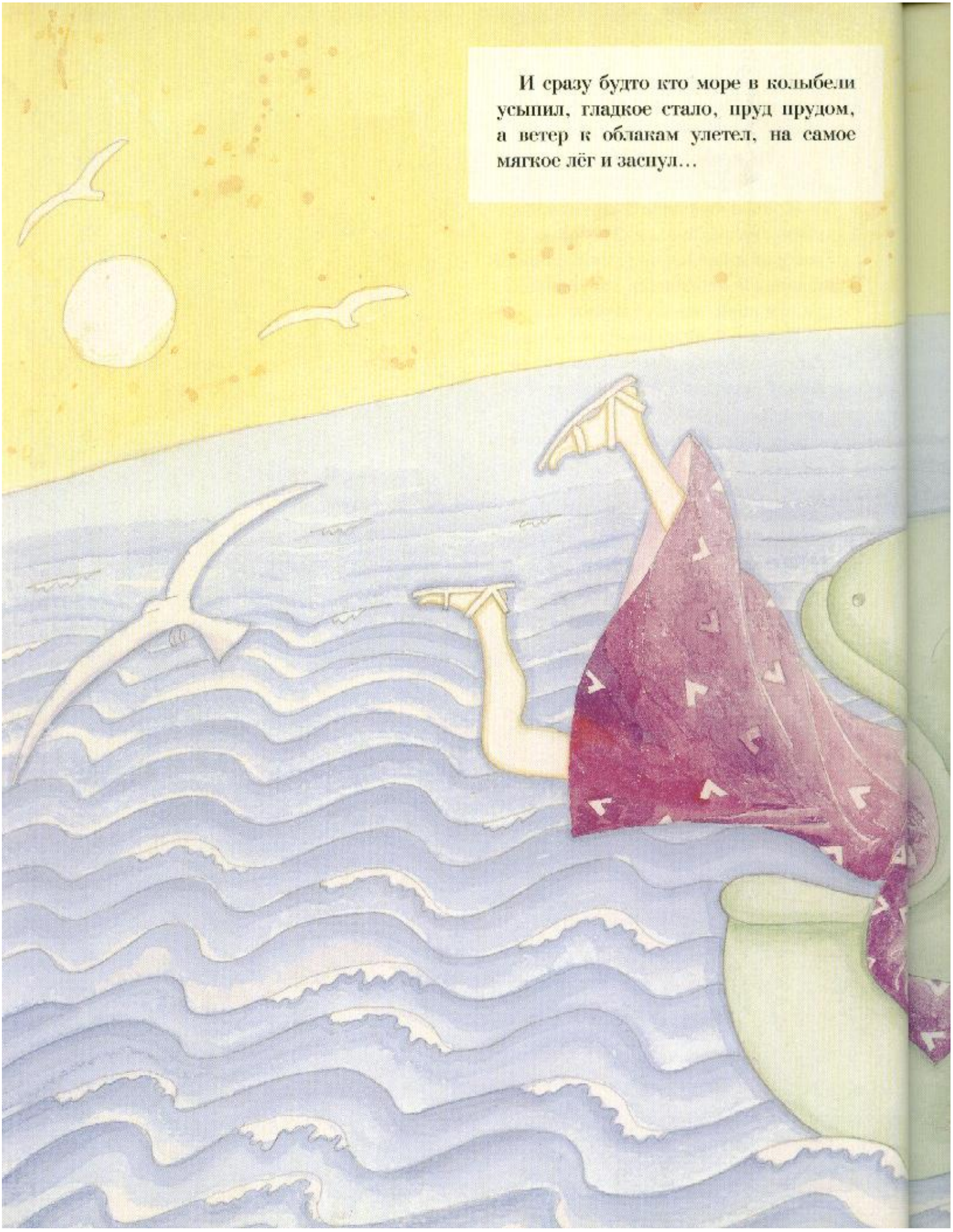
— Не время спать, беда над головой…

Привёл кормчий Иону, стыдно праведнику стало, — бросайте, говорит, жребий, всё равно на меня падёт. Не исполнил воли Божьей, — да вон не по-моему вышло.

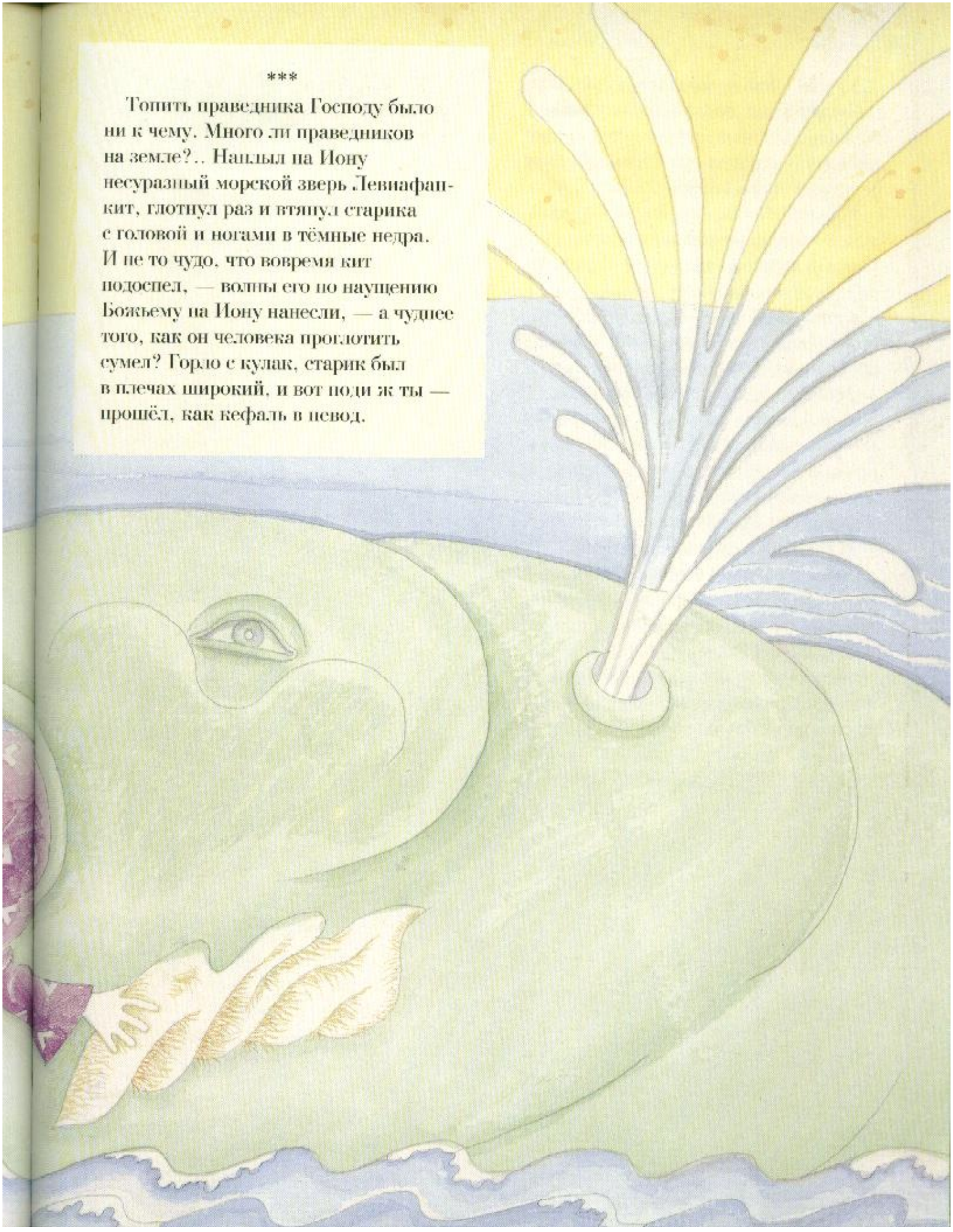
Пал жребий на Иону, — и стал он просить корабельщиков, чтобы его в воду бросили и тем корабль спасли…

Жалко стало им старика, налегли было на вёсла, хотели выгрести, да куда там… Ветер у кого весло переломил, у кого из рук вырвал. Как конь дикий!

Делать нечего, взяли старика под руки — а он и глаза зажмурил, — вот тебе и Фарсис, повидался с внучкой, — и бросили его промеж двух огромных зелёных волн. Сомкнулись — и нет Ионы.

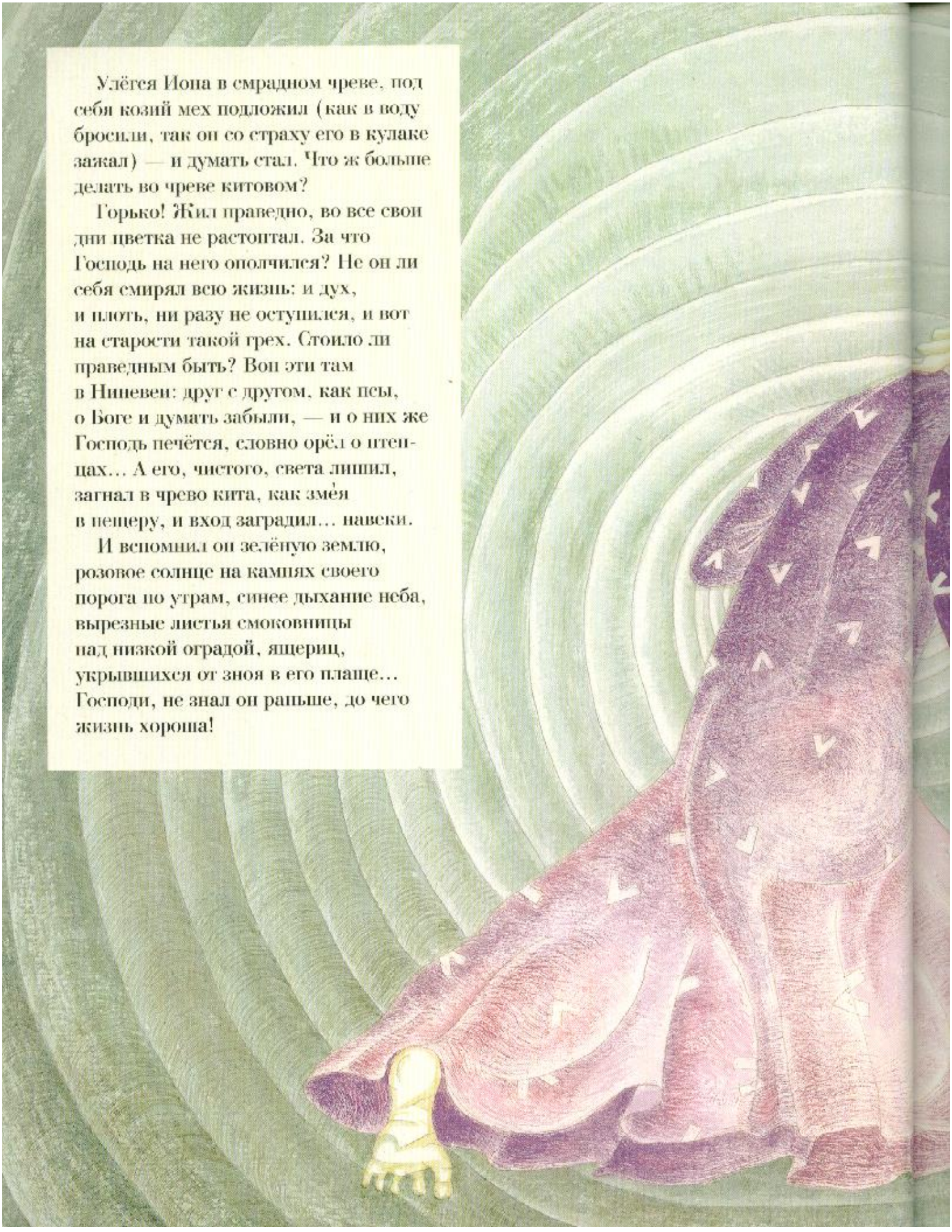


И сразу будто кто море в колыбели усыпил, гладкое стало, пруд прудом, а ветер к облакам улетел, на самое мягкое лёг и заснул…



***

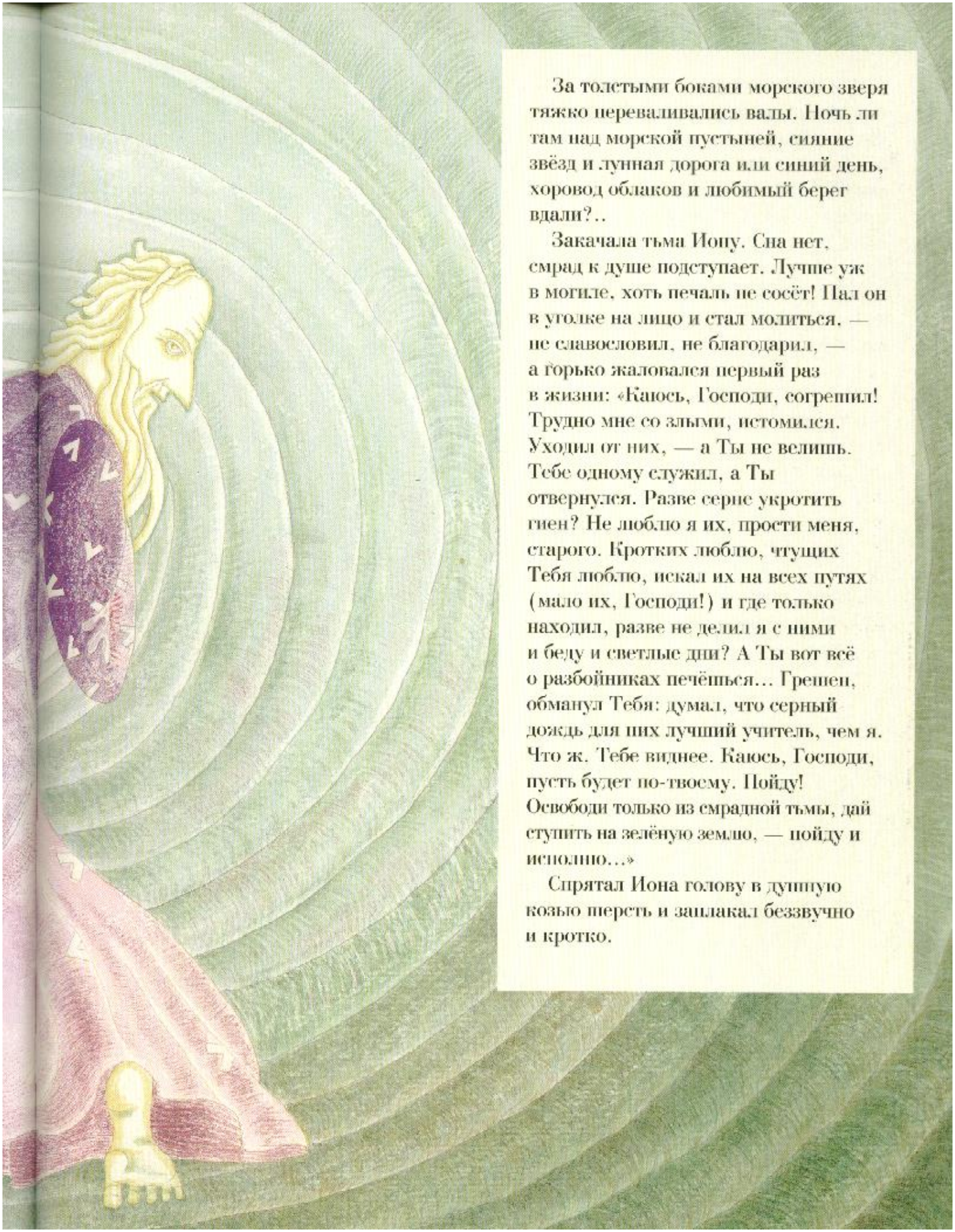
Топить праведника Господу было ни к чему. Много ли праведников на земле?.. Напыл на Иону несуразный морской зверь Левиафан-кит, глотнул раз и втянул старика с головой и ногами в тёмные недра. И не то чудо, что вовремя кит подоспел, — волны его по наущению Божьему на Иону нанесли, — а чуднее того, как он человека проглотить сумел? Горло с кулак, старик был в плечах широкий, и вот поди ж ты — прошёл, как кефаль в невод.



Улёгся Иона в смрадном чреве, под себя козий мех подложил (как в воду бросили, так он со страху его в кулаке зажал) — и думать стал. Что ж больше делать во чреве китовом?

Горько! Жил праведно, во все свои дни цветка не растоптал. За что Господь на него ополчился? Не он ли себя смирял всю жизнь: и дух, и плоть, ни разу не оступился, и вот на старости такой грех. Стоило ли праведным быть? Вон эти там в Ниневии: друг с другом, как псы, о Боге и думать забыли, — и о них же Господь печётся, словно орёл о птенцах... А его, чистого, света лишил, загнал в чрево кита, как змея в пещеру, и вход заградил... навеки.

И вспомнил он зелёную землю, розовое солнце на камнях своего порога по утрам, синее дыхание неба, вырезные листья смоковницы над низкой оградой, ящериц, укрывшихся от зноя в его плаще... Господи, не знал он раньше, до чего жизнь хороша!

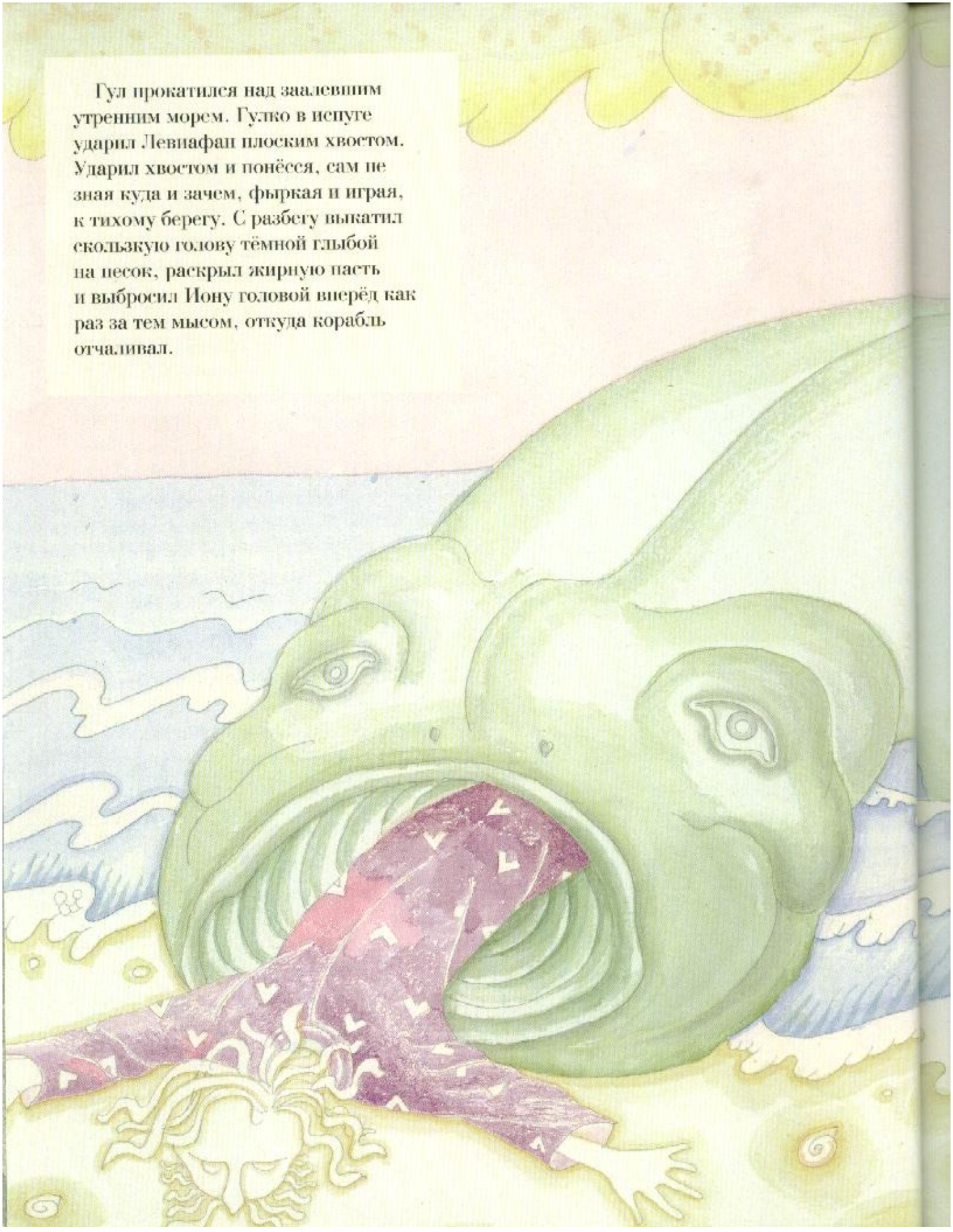


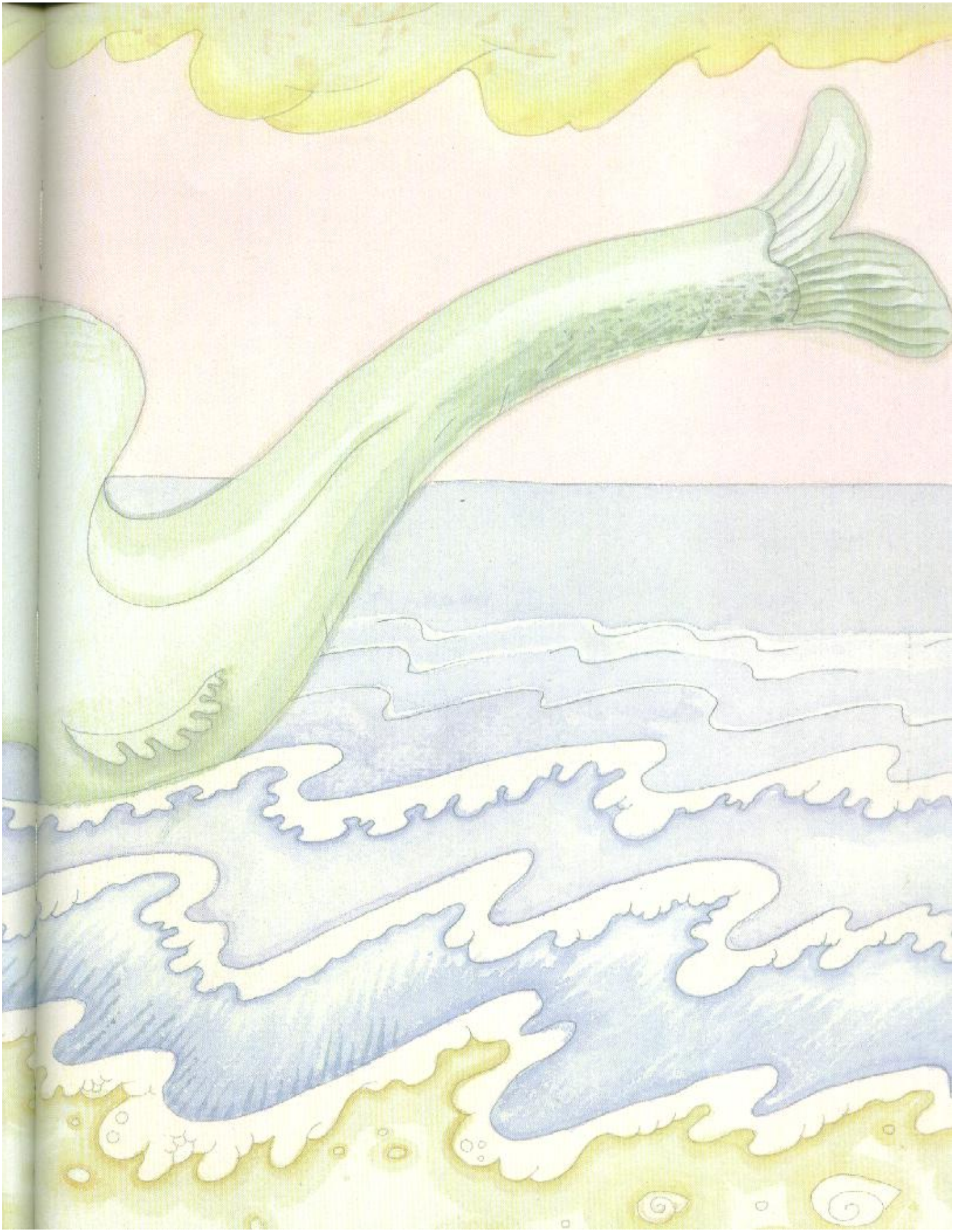
За толстыми боками морского зверя тяжко переваливались валы. Ночь ли там над морской пустыней, сияние звёзд и лунная дорога или синий день, хоровод облаков и любимый берег вдали?..

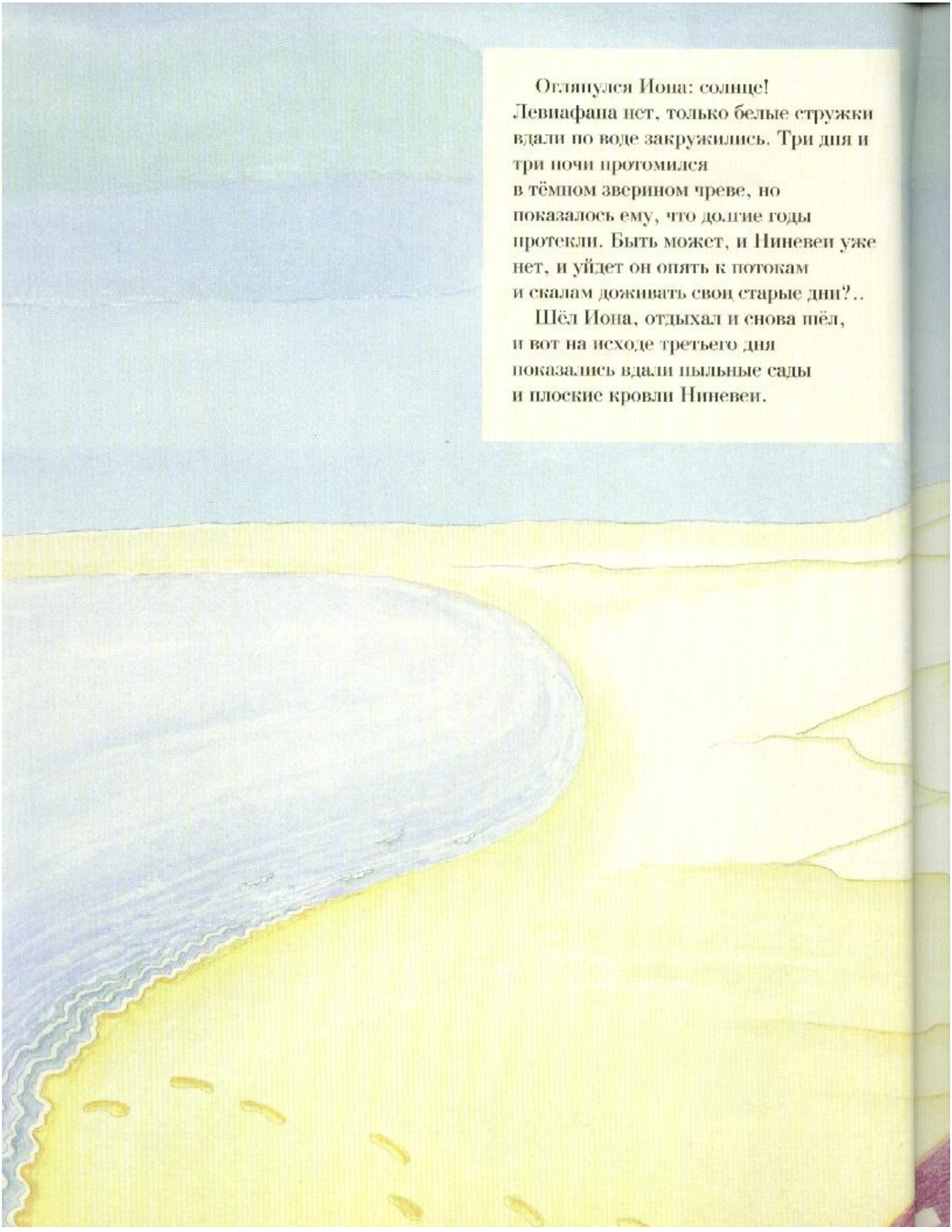
Закачала тьма Иону. Сна нет, смрад к душе подступает. Лучше уж в могиле, хоть печаль не сосёт! Пал он в уголке на лицо и стал молиться. — не славословил, не благодарил, — а горько жаловался первый раз в жизни: «Каюсь, Господи, согрешил! Трудно мне со злыми, истомился. Уходил от них, — а Ты не велишь. Тебе одному служил, а Ты отвернулся. Разве серне укротить гиен? Не люблю я их, прости меня, старого. Кротких люблю, чтущих Тебя люблю, искал их на всех путях (мало их, Господи!) и где только находил, разве не делил я с ними и беду и светлые дни? А Ты вот всё о разбойниках печёшься... Гренен, обманул Тебя: думал, что серный дождь для них лучший учитель, чем я. Что ж. Тебе виднее. Каюсь, Господи, пусть будет по-твоему. Пойду! Освободи только из смрадной тьмы, дай ступить на зелёную землю, — пойду и исполню...»

Спрятал Иона голову в душную козью шерсть и заплакал беззвучно и кротко.

Гул прокатился над заалевшим утренним морем. Гулко в испуге ударил Левиафан плоским хвостом. Ударил хвостом и понёсся, сам не зная куда и зачем, фыркая и играя, к тихому берегу. С разбегу выкатил скользкую голову тёмной глыбой на песок, раскрыл жирную пасть и выбросил Иону головой вперёд как раз за тем мысом, откуда корабль отчаливал.

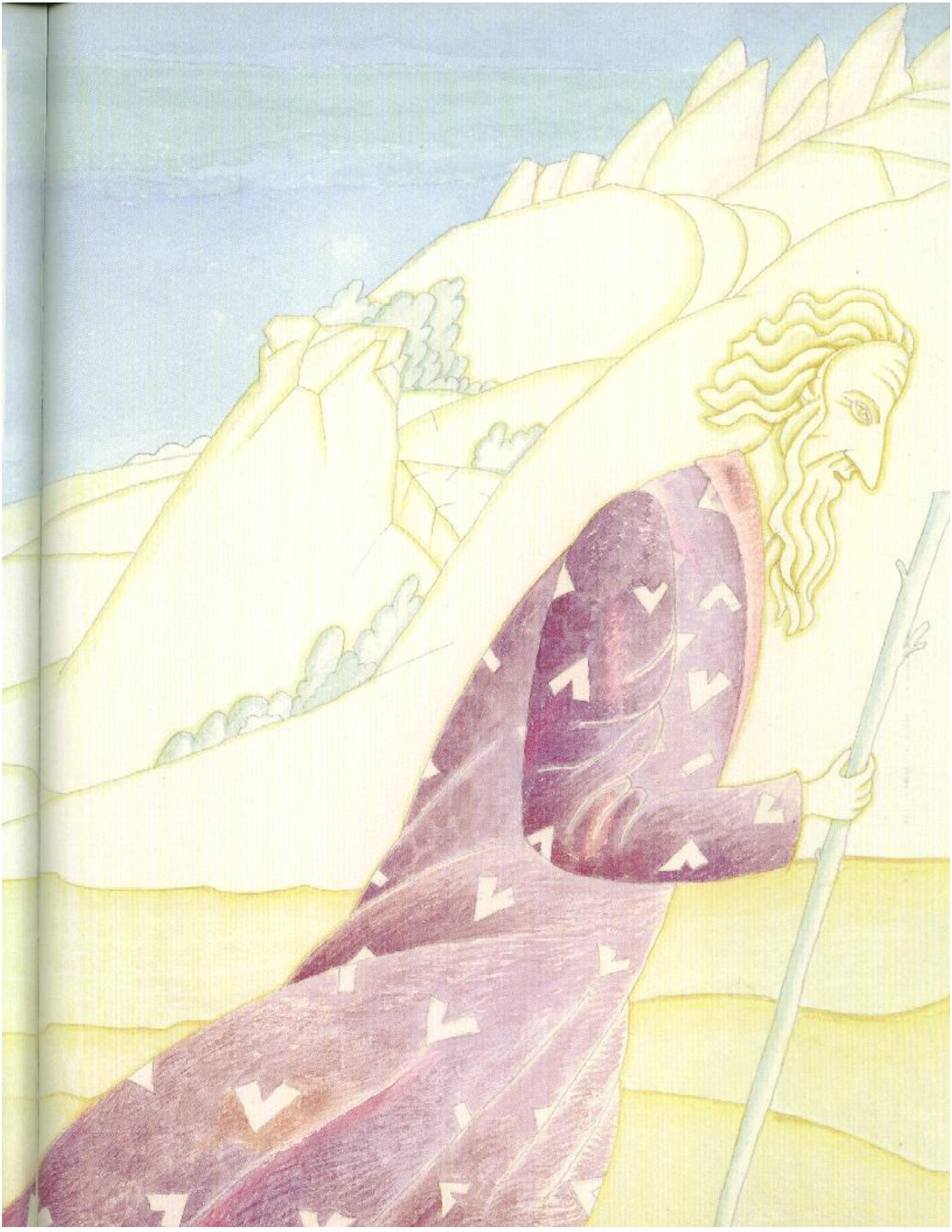






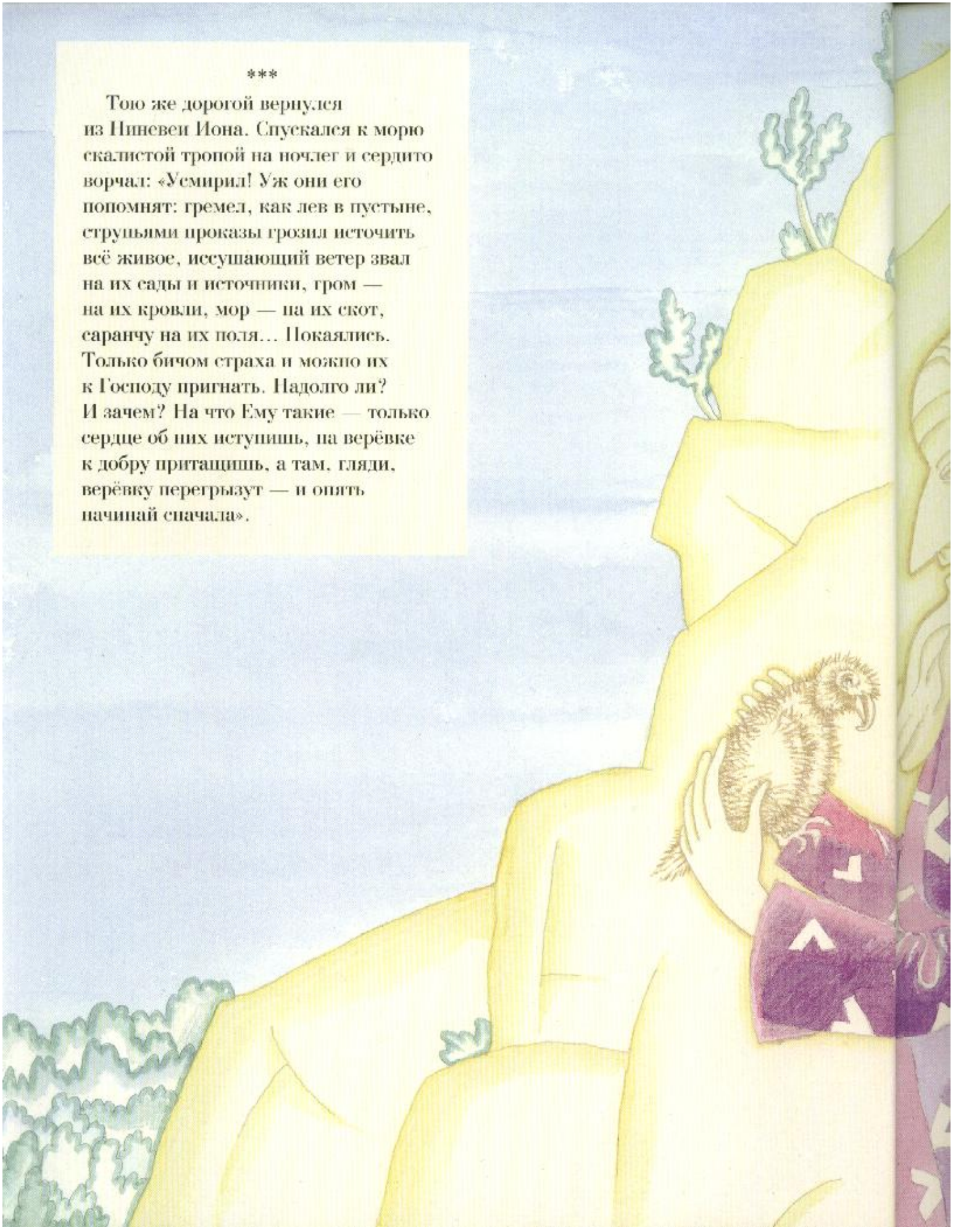
Оглянулся Иона: солнце!
Левиафана нет, только белые стружки
вдали по воде закружились. Три дня и
три ночи протомился
в тёмном зверином чреве, но
показалось ему, что долгие годы
протекли. Быть может, и Ниневии уже
нет, и уйдет он опять к потокам
и скалам доживать свои старые дни?..

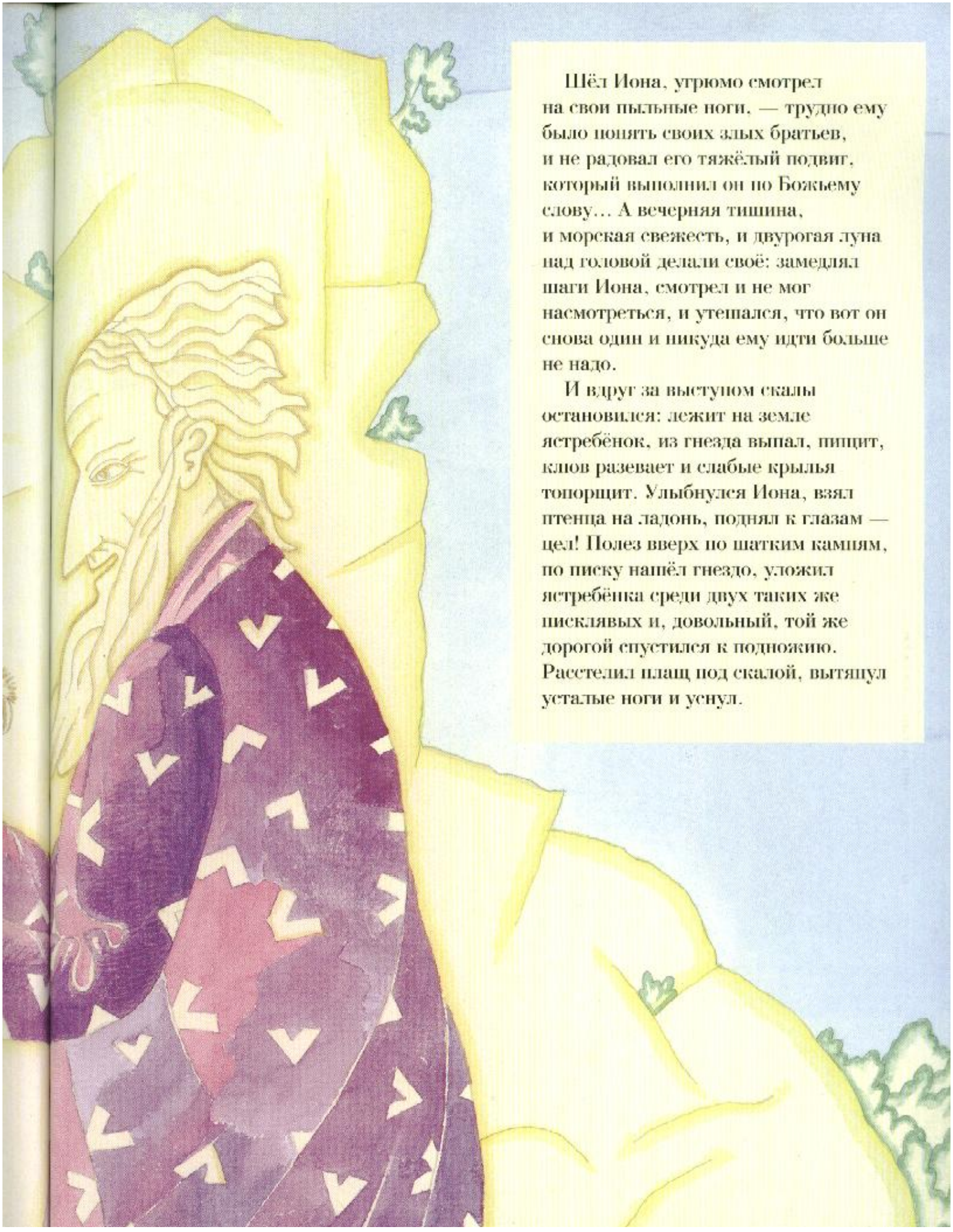
Шёл Иона, отдыхал и снова шёл,
и вот на исходе третьего дня
показались вдали пыльные сады
и плоские кровли Ниневии.



***

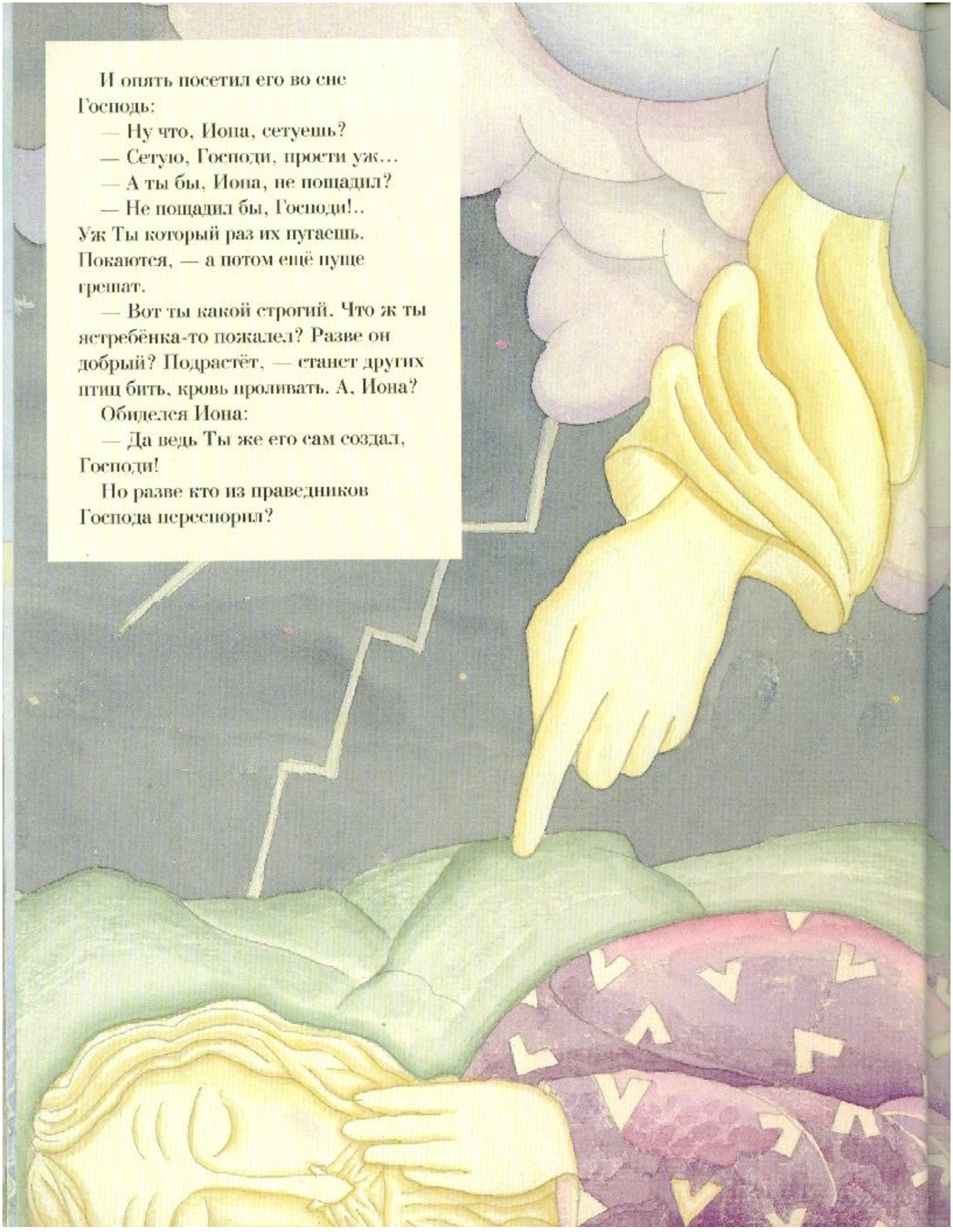
Тою же дорогой вернулся из Ниневии Иона. Спускался к морю скалистой тропой на ночлег и сердито ворчал: «Усмирил! Уж они его попомнят: гремел, как лев в пустыне, струпьями проказы грозил источить всё живое, иссушающий ветер звал на их сады и источники, гром — на их кровли, мор — на их скот, саранчу на их поля… Покаялись. Только бичом страха и можно их к Господу пригнать. Надолго ли? И зачем? На что Ему такие — только сердце об них иступишь, на верёвке к добру притащишь, а там, гляди, верёвку перегрызут — и опять начинай сначала».





Шёл Иона, угрюмо смотрел на свои пыльные ноги, — трудно ему было понять своих злых братьев, и не радовал его тяжёлый подвиг, который выполнил он по Божьему слову… А вечерняя тишина, и морская свежесть, и двурогая луна над головой делали своё: замедлял шаги Иона, смотрел и не мог насмотреться, и утешался, что вот он снова один и никуда ему идти больше не надо.

И вдруг за выступом скалы остановился: лежит на земле ястребёнок, из гнезда выпал, пищит, клюв разевает и слабые крылья топорщит. Улыбнулся Иона, взял птенца на ладонь, поднял к глазам — цел! Полез вверх по шатким камням, по писку нашёл гнездо, уложил ястребёнка среди двух таких же писклявых и, довольный, той же дорогой спустился к подножию. Расстелил плащ под скалой, вытянул усталые ноги и уснул.



И опять посетил его во сне Господь:

— Ну что, Иона, сетуешь?

— Сетую, Господи, прости уж...

— А ты бы, Иона, не пощадил?

— Не пощадил бы, Господи!..

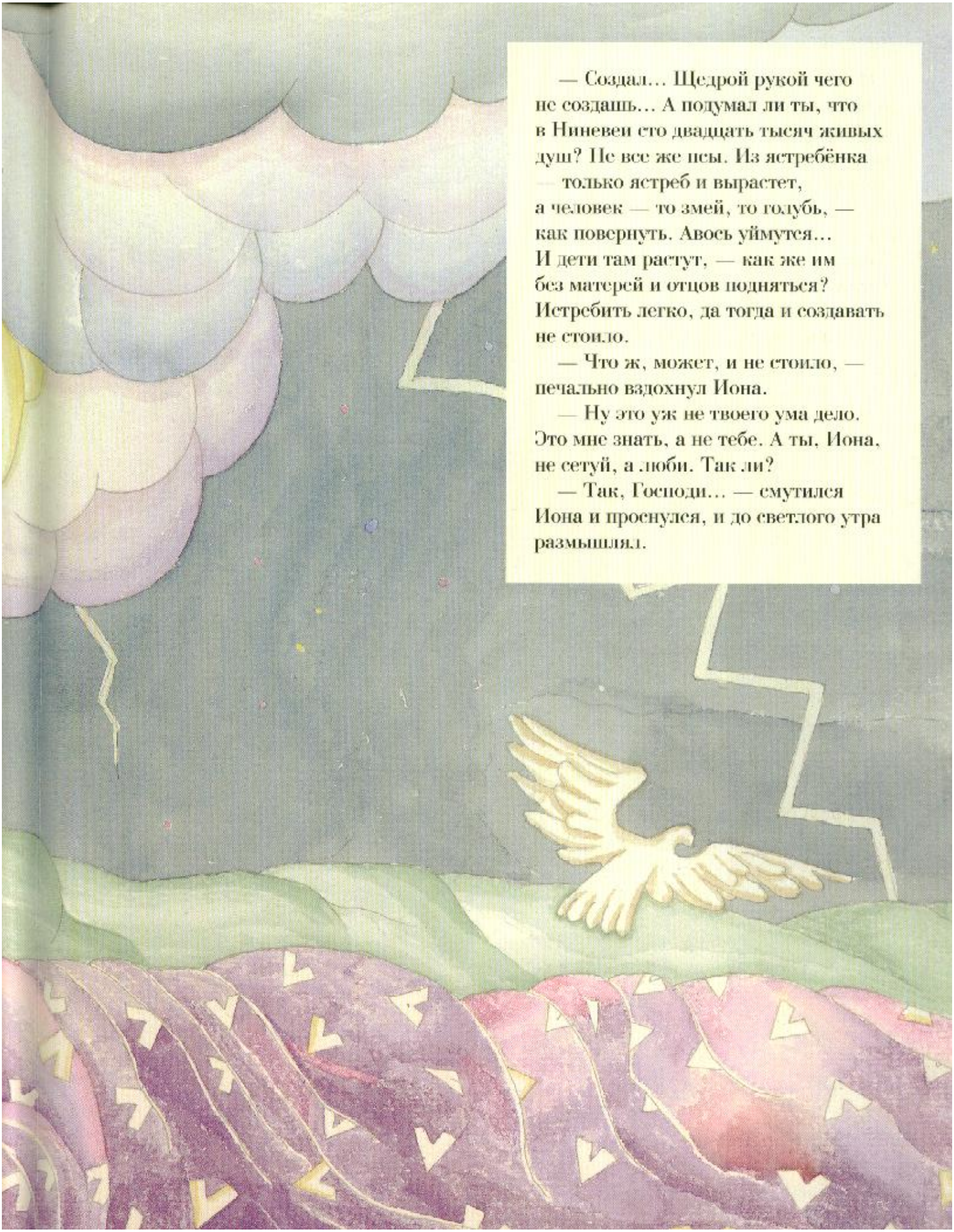
Уж Ты который раз их путаешь. Покаются, — а потом ещё пуще грешат.

— Вот ты какой строгий. Что ж ты ястребёнка-то пожалел? Разве он добрый? Подрастёт, — станет других птиц бить, кровь проливать. А, Иона?

Обиделся Иона:

— Да ведь Ты же его сам создал, Господи!

Но разве кто из праведников Господа переспорил?

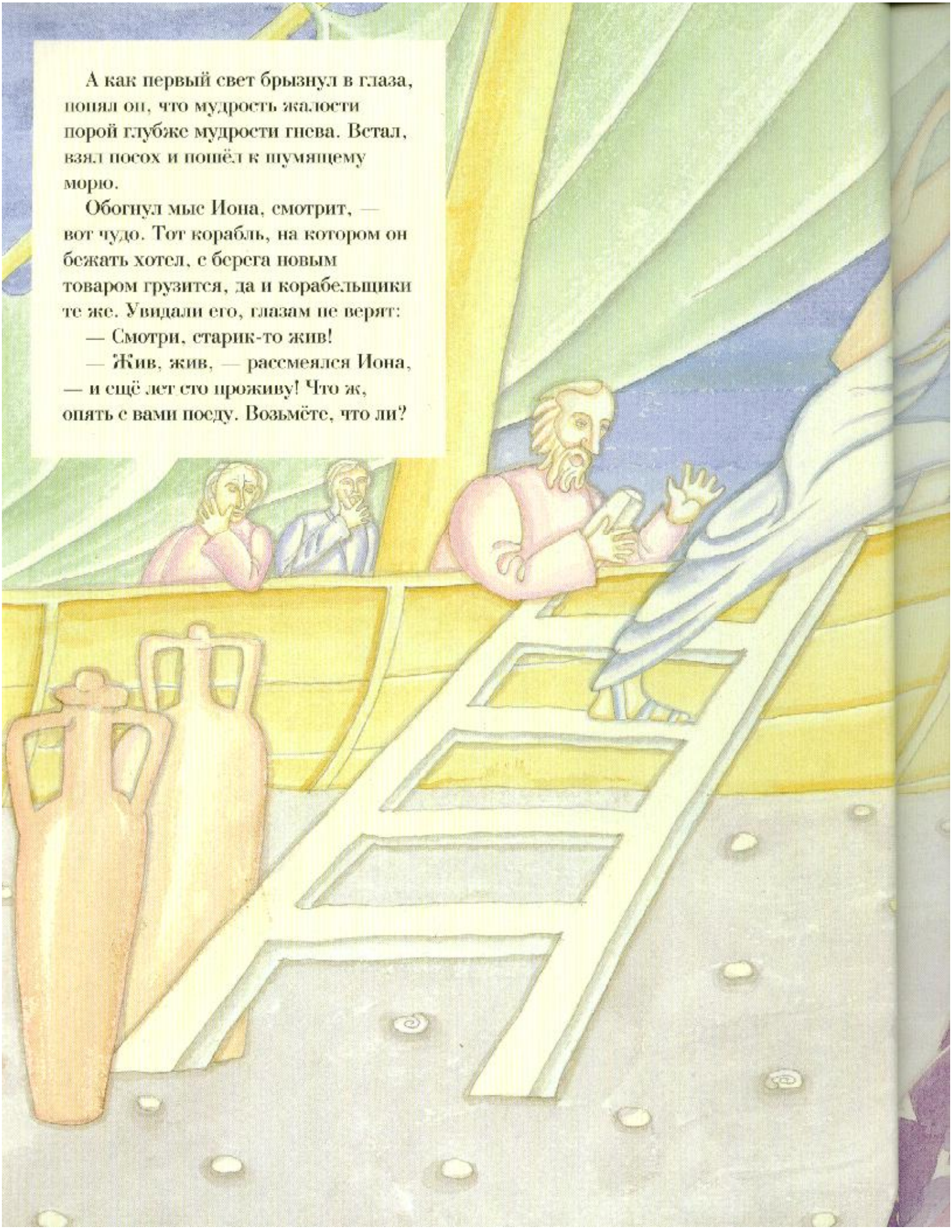


— Создал… Щедрой рукой чего не создашь… А подумал ли ты, что в Ниневии сто двадцать тысяч живых душ? Не все же псы. Из ястребёнка — только ястреб и вырастет, а человек — то змей, то голубь, — как повернуть. Авось уймутся… И дети там растут, — как же им без матерей и отцов подняться? Истребить легко, да тогда и создавать не стоило.

— Что ж, может, и не стоило, — печально вздохнул Иона.

— Ну это уж не твоего ума дело. Это мне знать, а не тебе. А ты, Иона, не сетуй, а люби. Так ли?

— Так, Господи… — смутился Иона и проснулся, и до светлого утра размышлял.

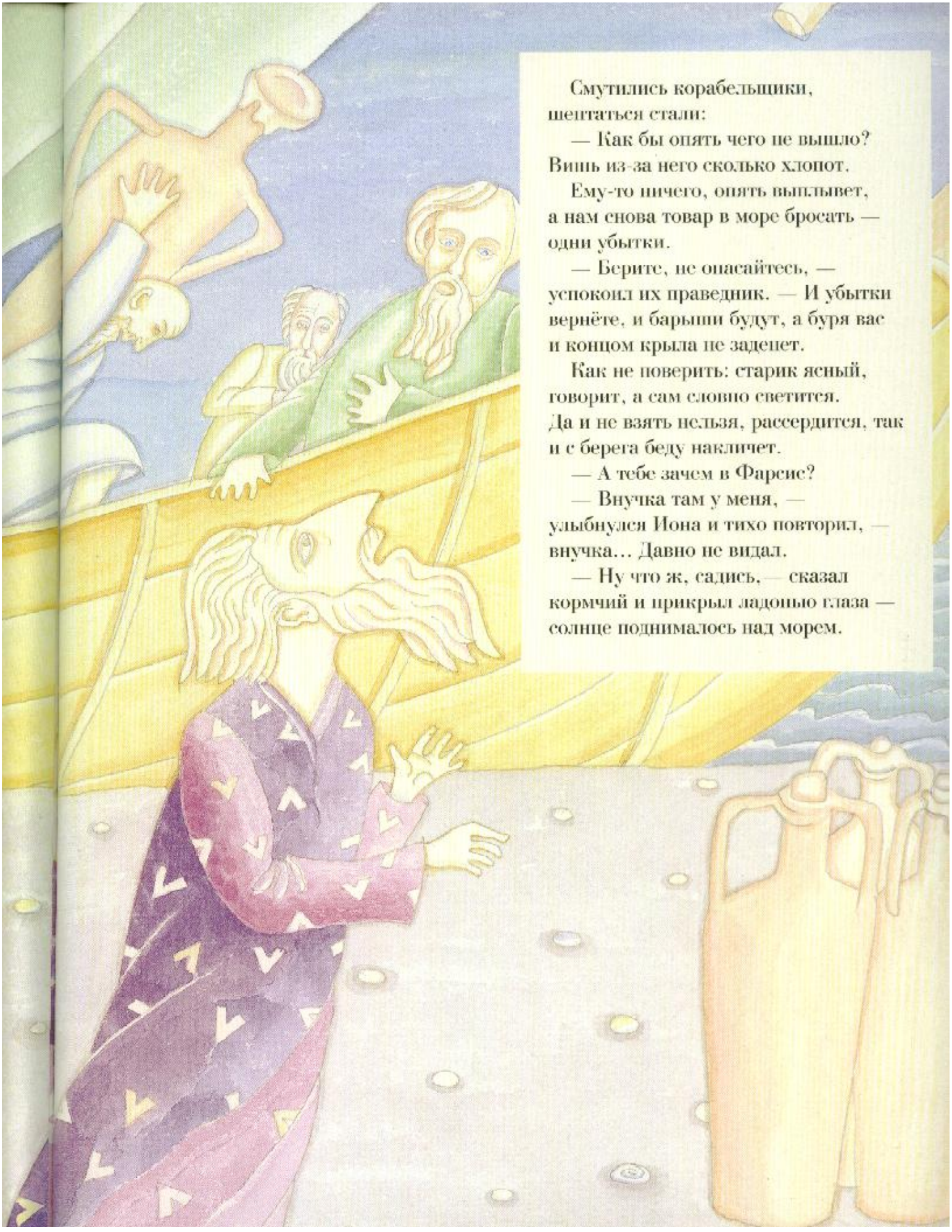


А как первый свет брызнул в глаза, понял он, что мудрость жалости порой глубже мудрости гнева. Встал, взял посох и пошёл к шумящему морю.

Обогнул мыс Иона, смотрит, — вот чудо. Тот корабль, на котором он бежать хотел, с берега новым товаром грузится, да и корабельщики те же. Увидали его, глазам не верят:

— Смотри, старик-то жив!

— Жив, жив, — рассмеялся Иона, — и ещё лет сто проживу! Что ж, опять с вами поеду. Возьмёте, что ли?



Смутились корабельщики, шептаться стали:

— Как бы опять чего не вышло? Вишь из-за него сколько хлопот.

Ему-то ничего, опять выплывет, а нам снова товар в море бросать — одни убытки.

— Берите, не опасайтесь, — успокоил их праведник. — И убытки вернёте, и барыши будут, а буря вас и концом крыла не заденет.

Как не поверить: старик ясный, говорит, а сам словно светится. Да и не взять нельзя, рассердится, так и с берега беду накличет.

— А тебе зачем в Фарсис?

— Внучка там у меня, — улыбнулся Иона и тихо повторил, — внучка… Давно не видал.

— Ну что ж, садись, — сказал кормчий и прикрыл ладонью глаза — солнце поднималось над морем.

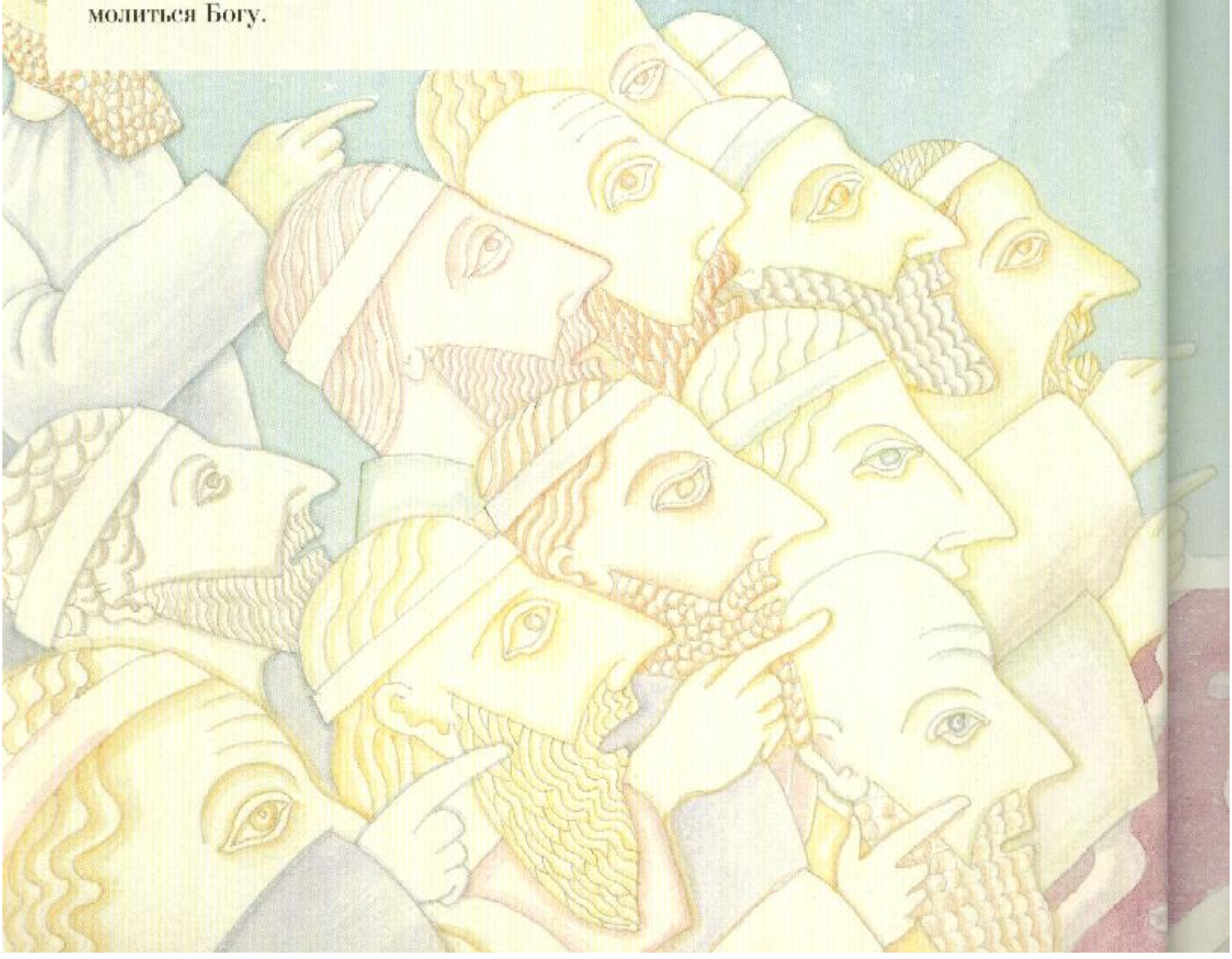
Даниил во львиной рву

Персидские вельможи невзлюбили пророка Даниила: был он любимцем царя Дария и приближен к нему больше всех.

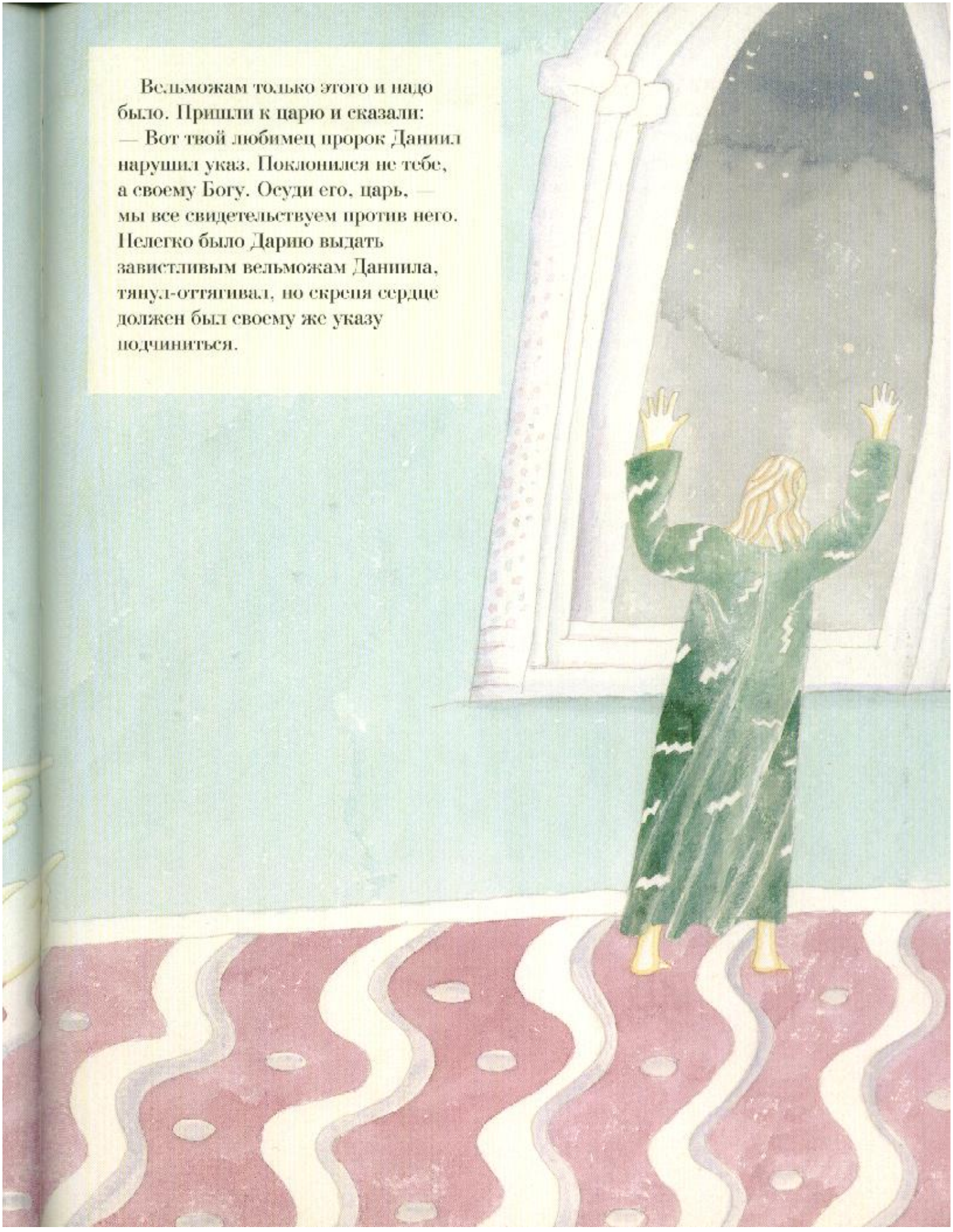
Как осудить пророка? Был он добр, мудр и справедлив, и ни в чём нельзя было его обвинить. Решились они извести его хитростью.

Уговорили царя Дария вельможи-сатрапы издать указ, чтобы никто не смел в течение тридцати дней никому, кроме царя Дария, поклоняться.

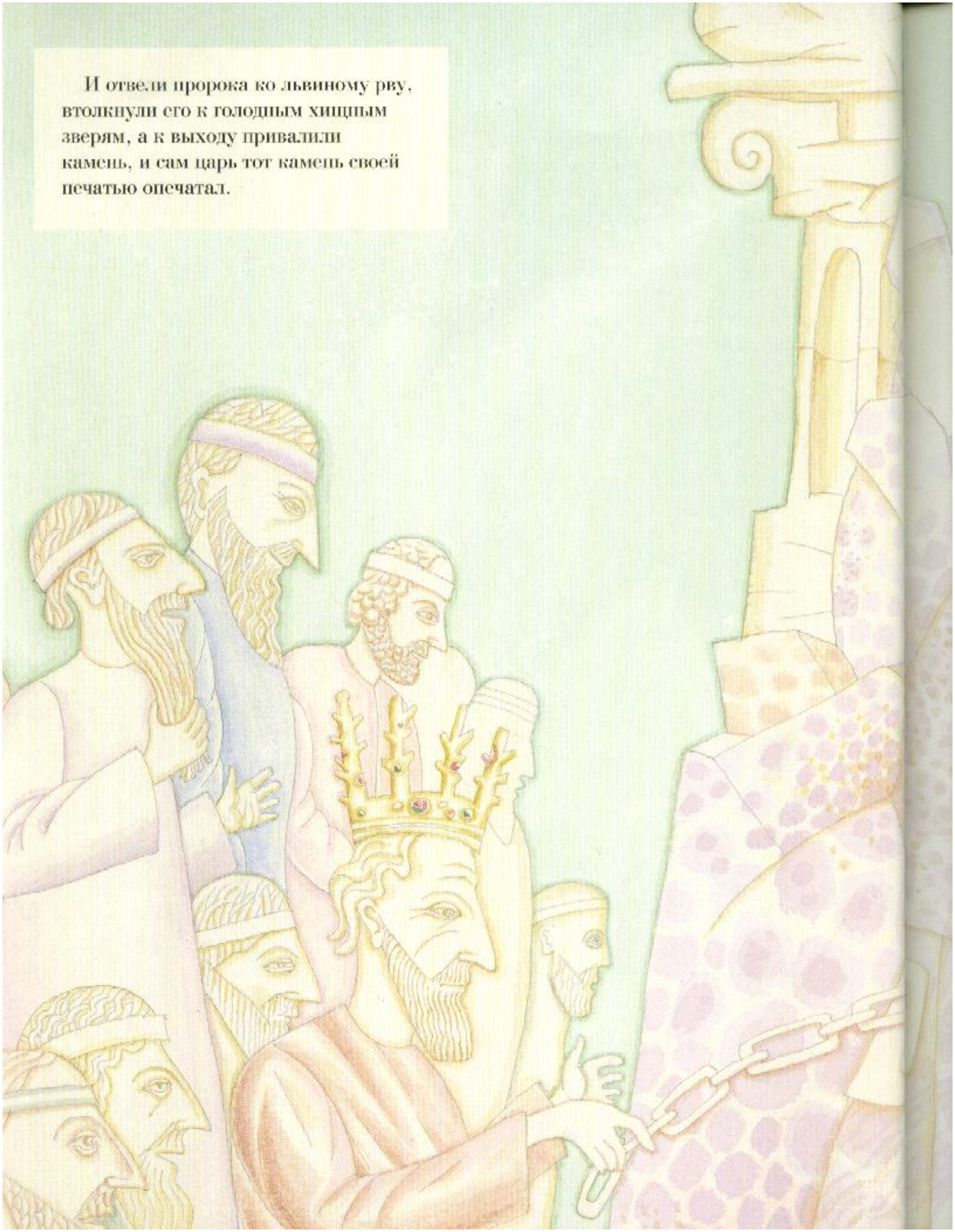
Подписал царь указ. А пророк, как всегда, встал вечером у окна, поднял глаза к звёздному небу и стал молиться Богу.

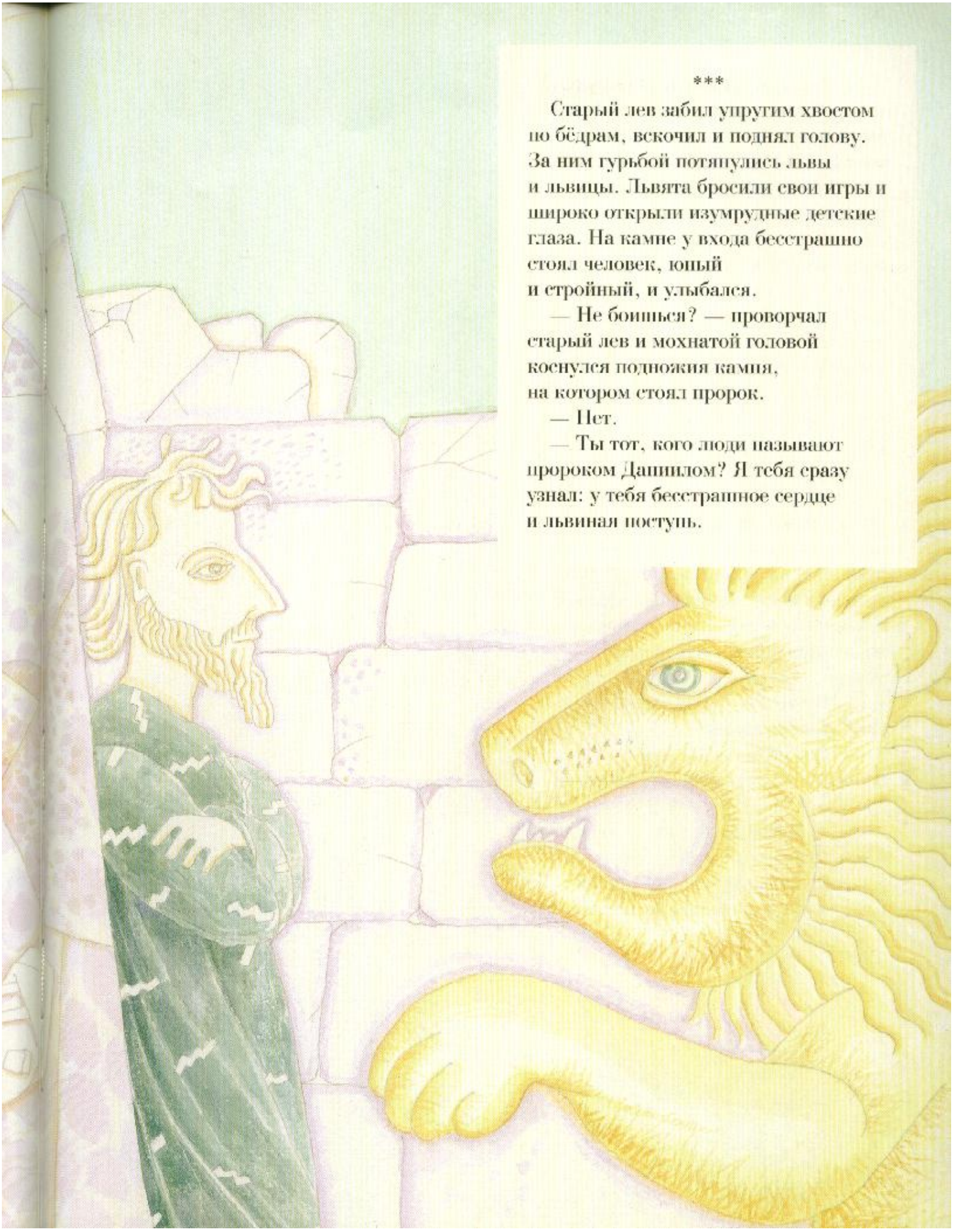


Вельможам только этого и надо было. Пришли к царю и сказали:
— Вот твой любимец пророк Даниил нарушил указ. Поклонился не тебе, а своему Богу. Осуди его, царь, — мы все свидетельствуем против него.
Нелегко было Дарию выдать завистливым вельможам Даниила, тянул-оттягивал, но скрепя сердце должен был своему же указу подчиниться.



И отвели пророка ко львиному рву, втолкнули его к голодным хищным зверям, а к выходу привалили камень, и сам царь тот камень своей печатью опечатал.





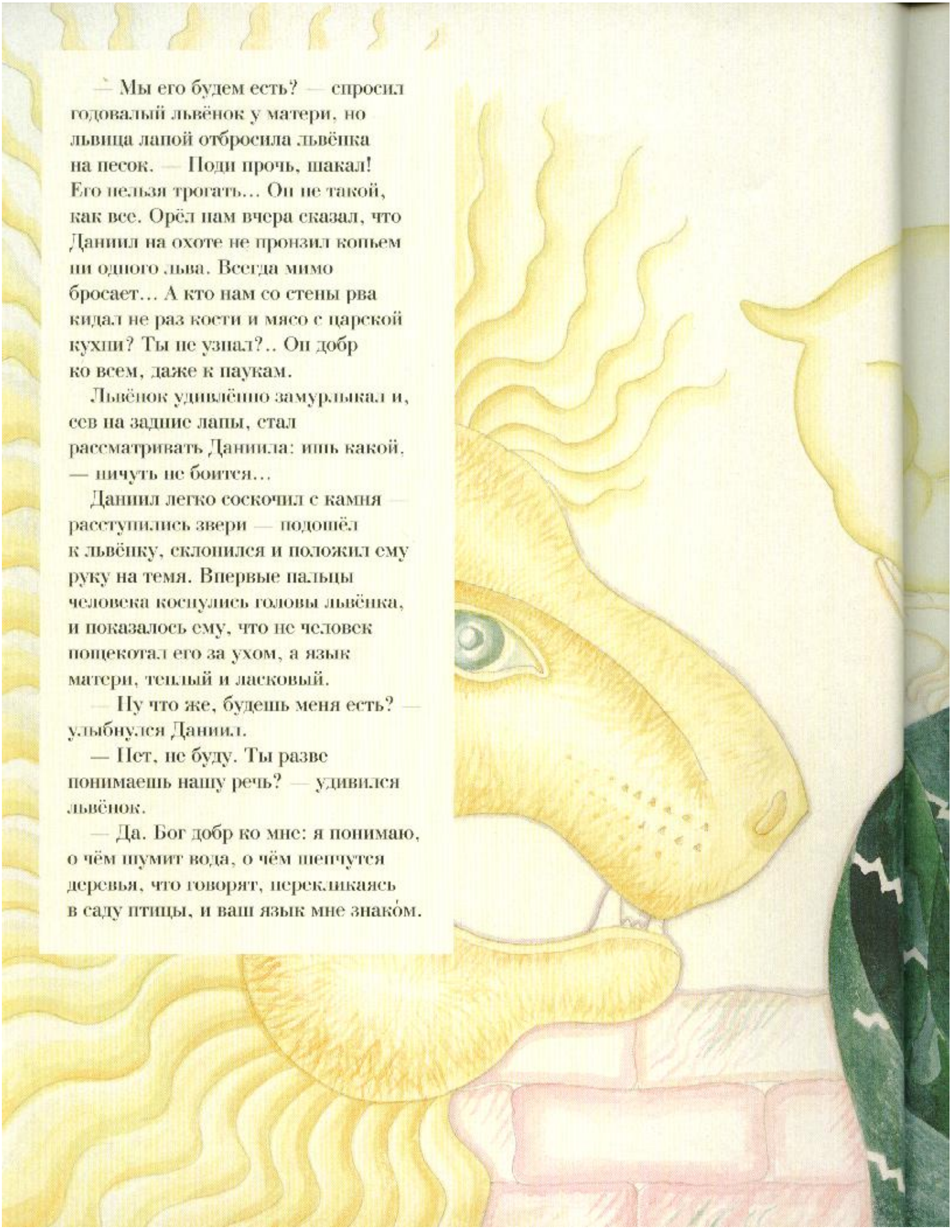
***

Старый лев забил упругим хвостом по бёдрам, вскочил и поднял голову. За ним гурьбой потянулись львы и львицы. Львята бросили свои игры и широко открыли изумрудные детские глаза. На камне у входа бесстрашно стоял человек, юный и стройный, и улыбался.

— Не боишься? — проворчал старый лев и мохнатой головой коснулся подножия камня, на котором стоял пророк.

— Нет.

— Ты тот, кого люди называют пророком Даниилом? Я тебя сразу узнал: у тебя бесстрашное сердце и львиная поступь.



— Мы его будем есть? — спросил годовалый львёнок у матери, но львица лапой отбросила львёнка на песок. — Поди прочь, шакал! Его нельзя трогать… Он не такой, как все. Орёл нам вчера сказал, что Даниил на охоте не пронзил копьем ни одного льва. Всегда мимо бросает… А кто нам со стены рва кидал не раз кости и мясо с царской кухни? Ты не узнал?.. Он добр ко всем, даже к паукам.

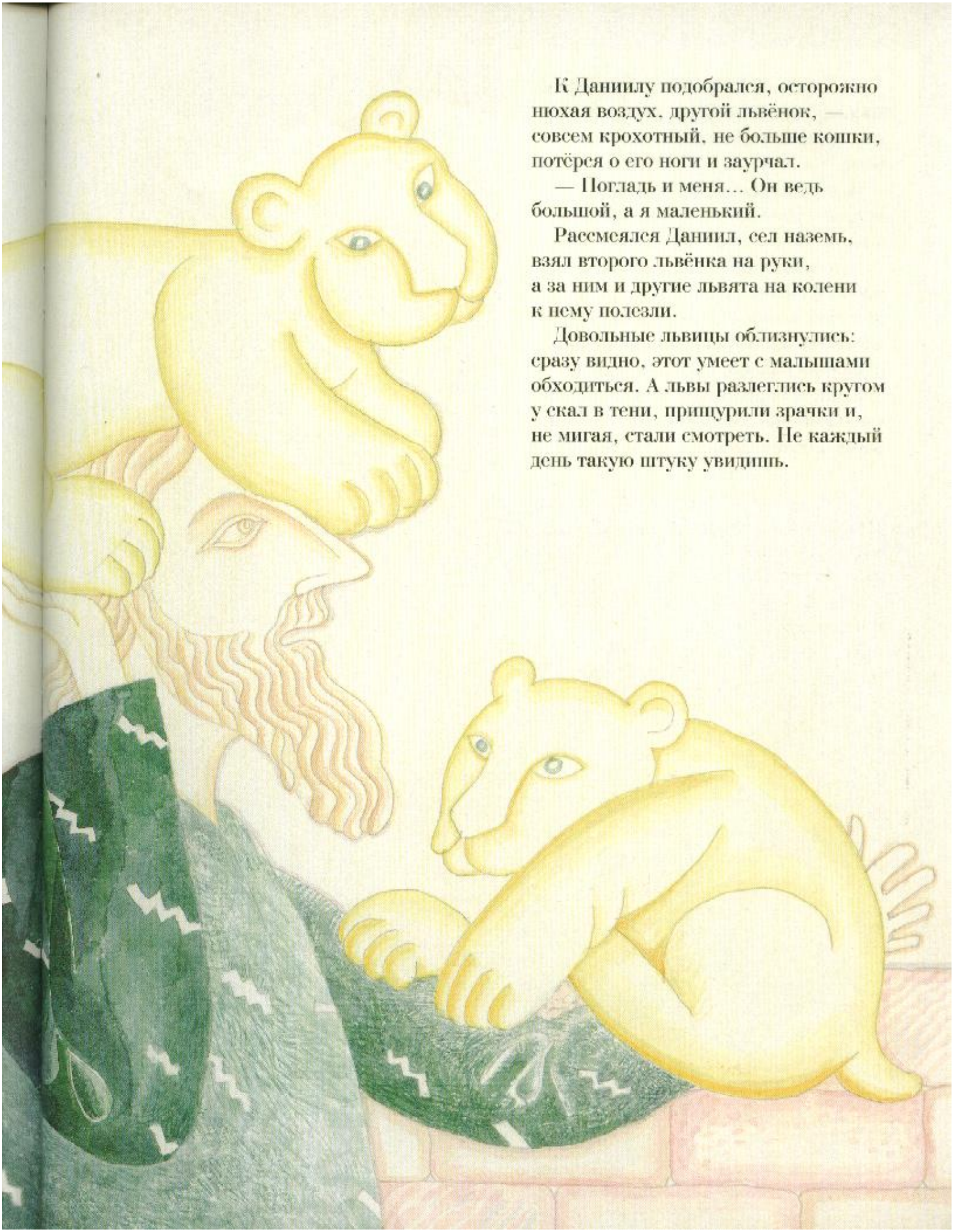
Львёнок удивлённо замурлыкал и, сев на задние лапы, стал рассматривать Даниила: ишь какой, — ничуть не боится…

Даниил легко соскочил с камня — расступились звери — подошёл к львёнку, склонился и положил ему руку на темя. Впервые пальцы человека коснулись головы львёнка, и показалось ему, что не человек пощекотал его за ухом, а язык матери, теплый и ласковый.

— Ну что же, будешь меня есть? — улыбнулся Даниил.

— Нет, не буду. Ты разве понимаешь нашу речь? — удивился львёнок.

— Да. Бог добр ко мне: я понимаю, о чём шумит вода, о чём шепчутся деревья, что говорят, перекликаясь в саду птицы, и ваш язык мне знако́м.



К Даниилу подобрался, осторожно нюхая воздух, другой львёнок, — совсем крохотный, не больше кошки, потёрся о его ноги и заурчал.

— Погладь и меня... Он ведь большой, а я маленький.

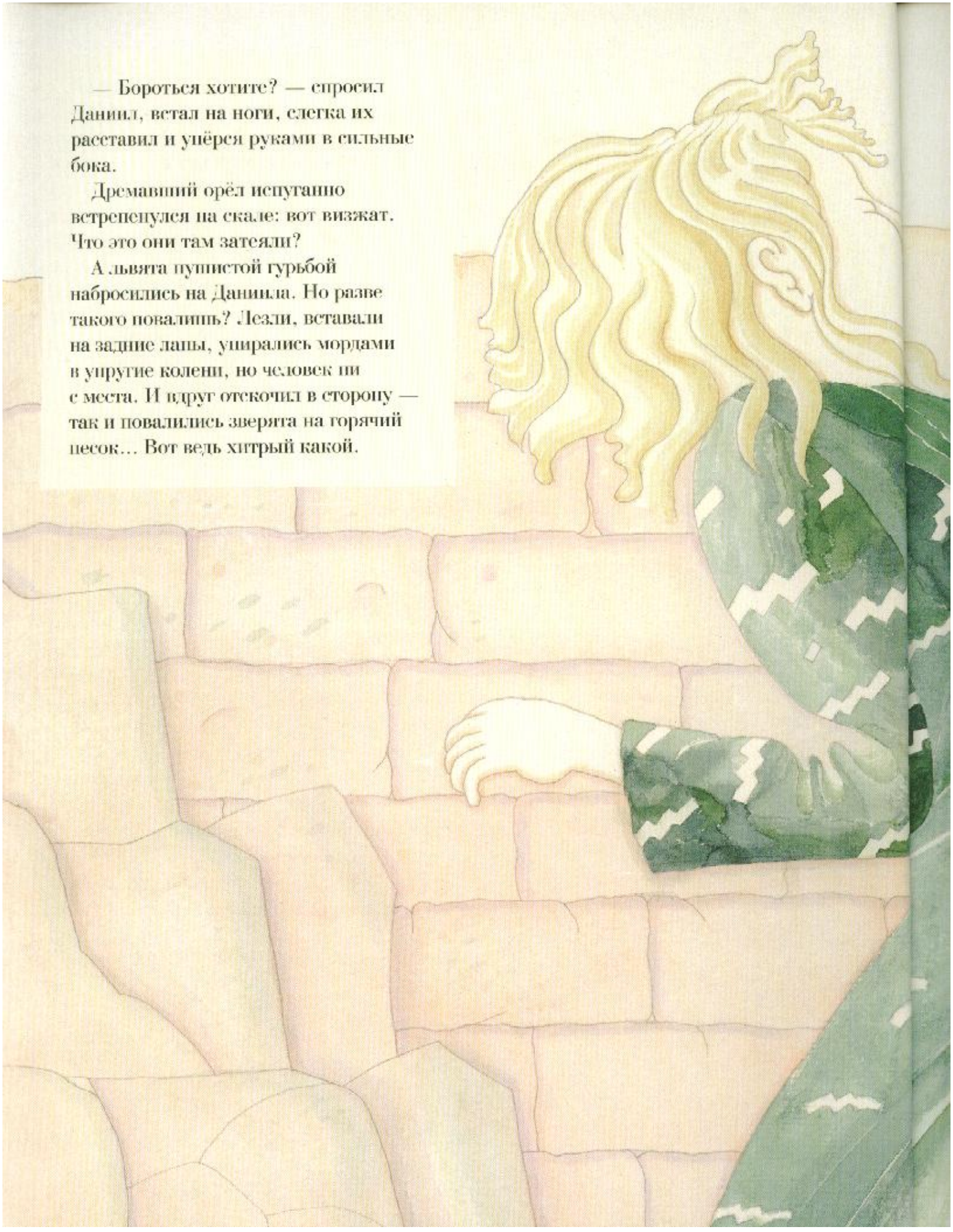
Рассмеялся Даниил, сел наземь, взял второго львёнка на руки, а за ним и другие львята на колени к нему полезли.

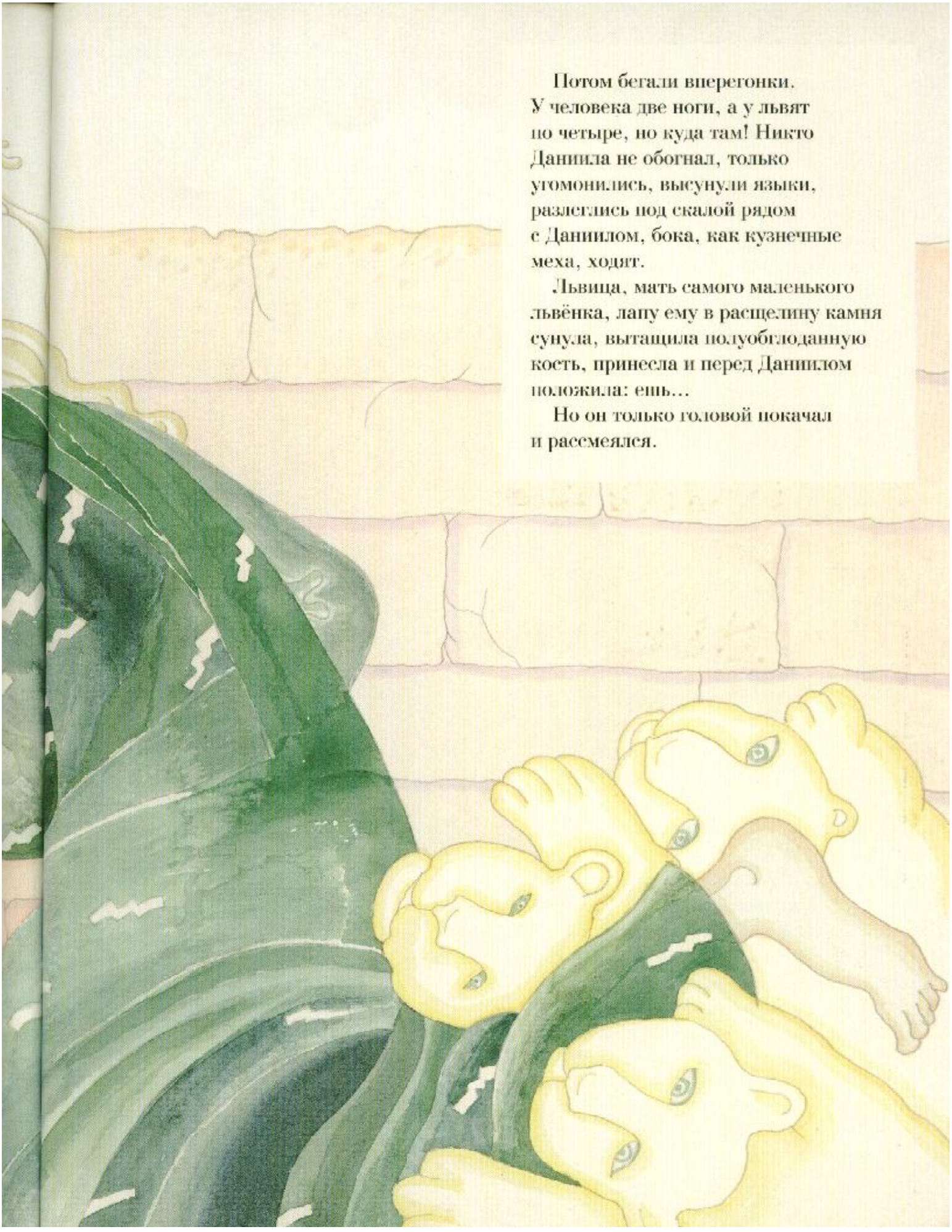
Довольные львицы облизнулись: сразу видно, этот умеет с малышами обходиться. А львы разлеглись кругом у скал в тени, прищурили зрачки и, не мигая, стали смотреть. Не каждый день такую штуку увидишь.

— Бороться хотите? — спросил Даниил, встал на ноги, слегка их расставил и упёрся руками в сильные бока.

Дремавший орёл испуганно встрепенулся на скале: вот визжат. Что это они там затеяли?

А львята пушистой гурьбой набросились на Даниила. Но разве такого повалишь? Лезли, вставали на задние лапы, упирались мордами в упругие колени, но человек ни с места. И вдруг отскочил в сторону — так и повалились зверята на горячий песок… Вот ведь хитрый какой.

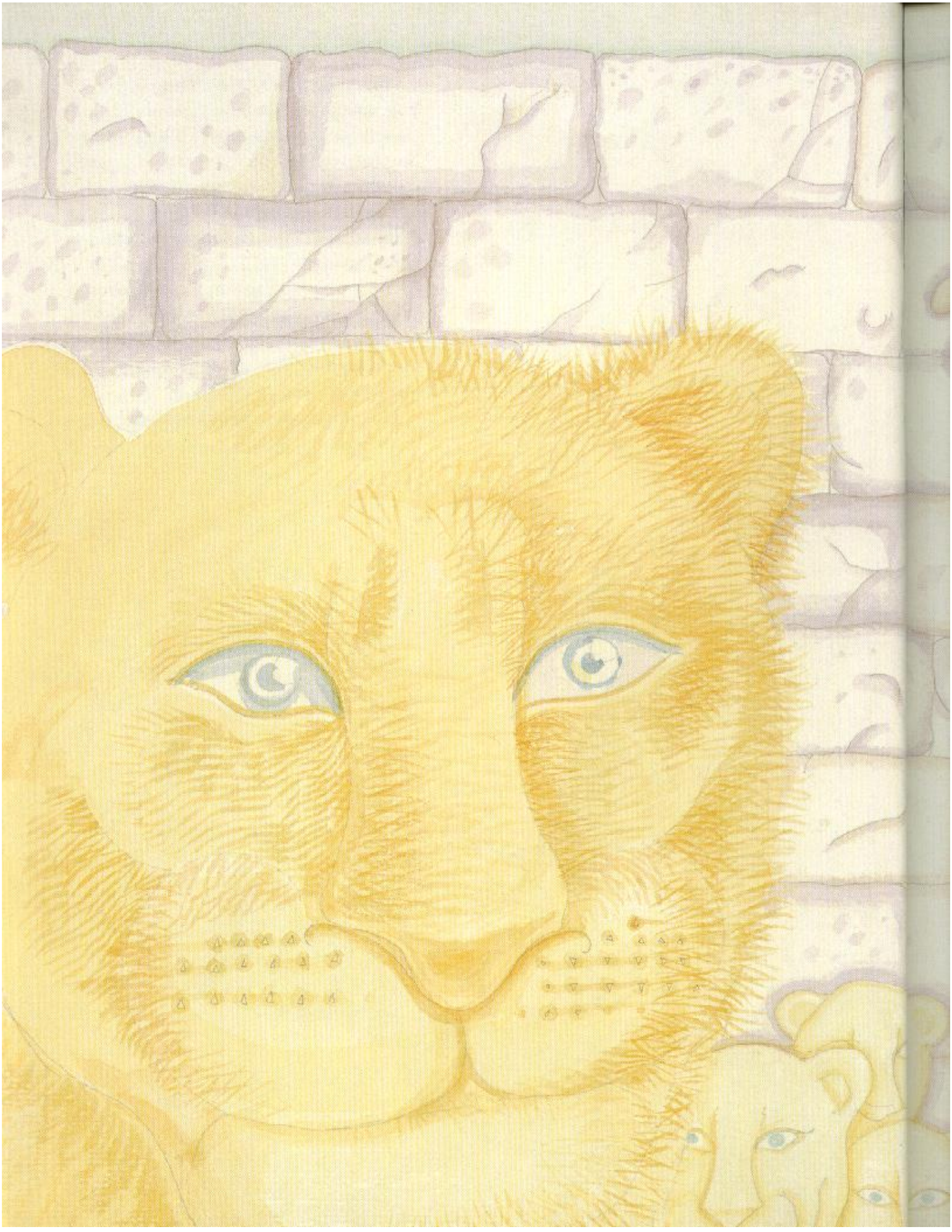


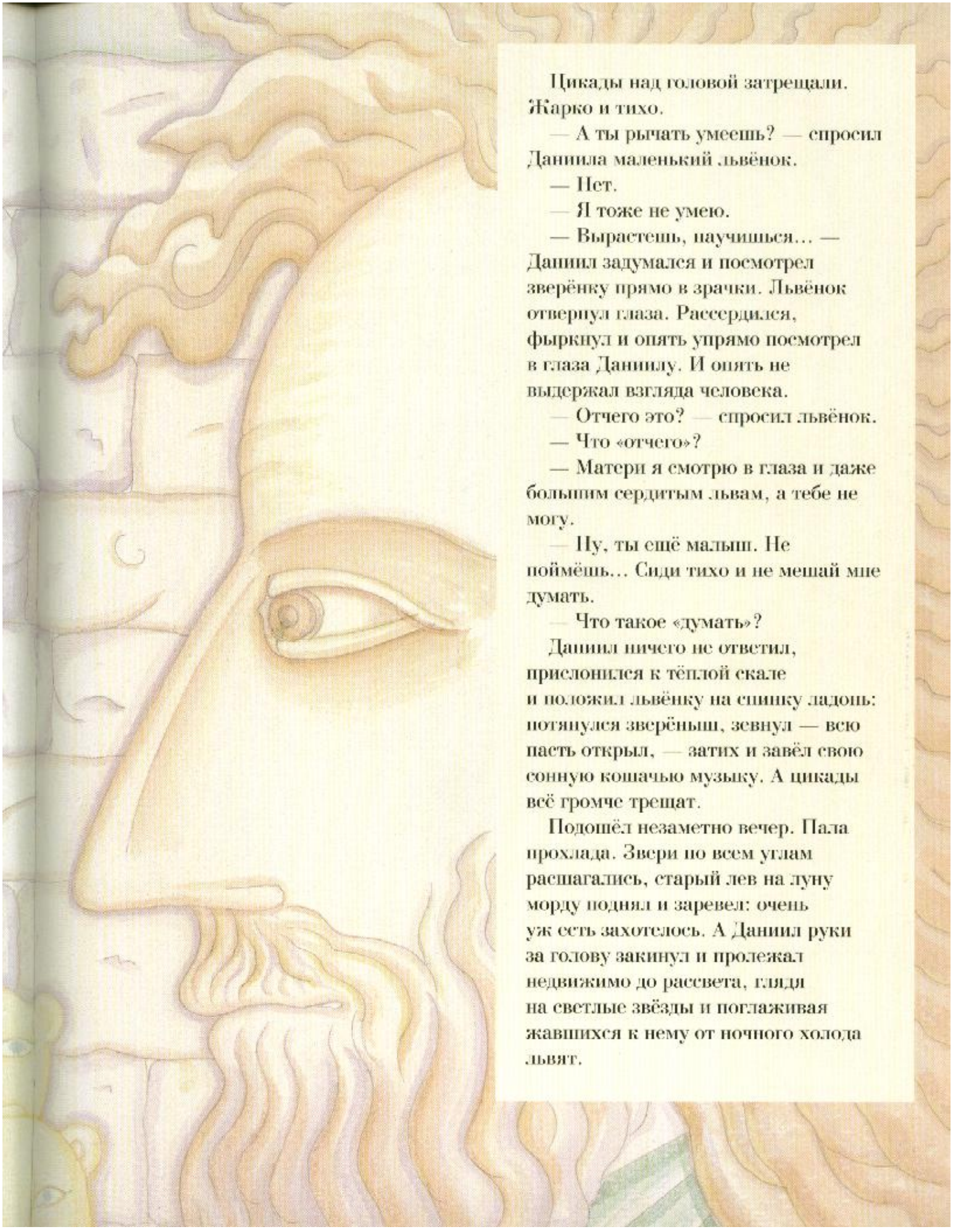


Потом бегали вперегонки. У человека две ноги, а у львят по четыре, но куда там! Никто Даниила не обогнал, только угомонились, высунули языки, разлеглись под скалой рядом с Даниилом, бока, как кузнечные меха, ходят.

Львица, мать самого маленького львёнка, лапу ему в расщелину камня сунула, вытащила полуобглоданную кость, принесла и перед Даниилом положила: ешь…

Но он только головой покачал и рассмеялся.





Цикады над головой затрещали. Жарко и тихо.

— А ты рычать умеешь? — спросил Даниила маленький львёнок.

— Нет.

— Я тоже не умею.

— Вырастешь, научишься… — Даниил задумался и посмотрел зверёнку прямо в зрачки. Львёнок отвернул глаза. Рассердился, фыркнул и опять упрямо посмотрел в глаза Даниилу. И опять не выдержал взгляда человека.

— Отчего это? — спросил львёнок.

— Что «отчего»?

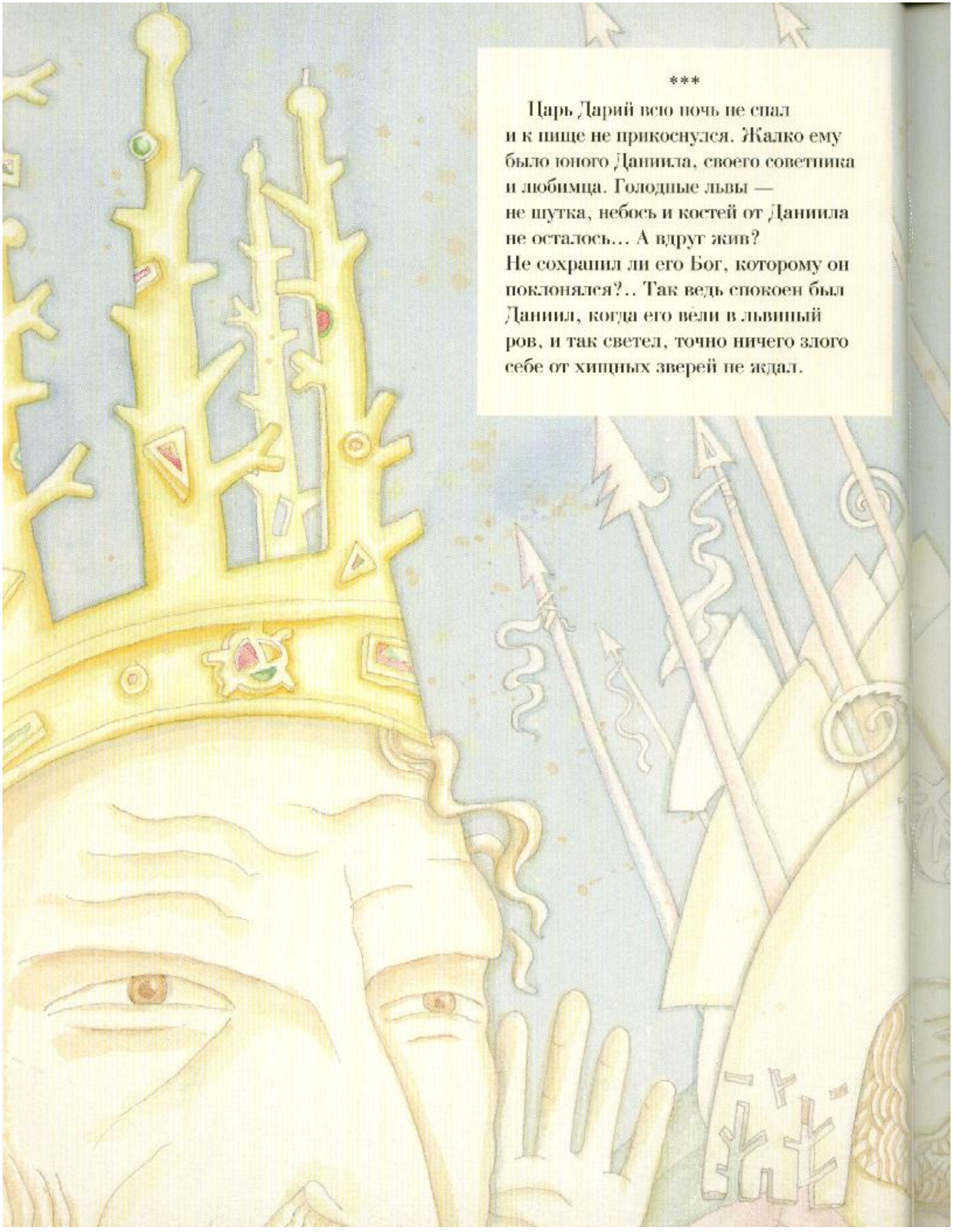
— Матери я смотрю в глаза и даже большим сердитым львам, а тебе не могу.

— Ну, ты ещё малыш. Не поймёшь… Сиди тихо и не мешай мне думать.

— Что такое «думать»?

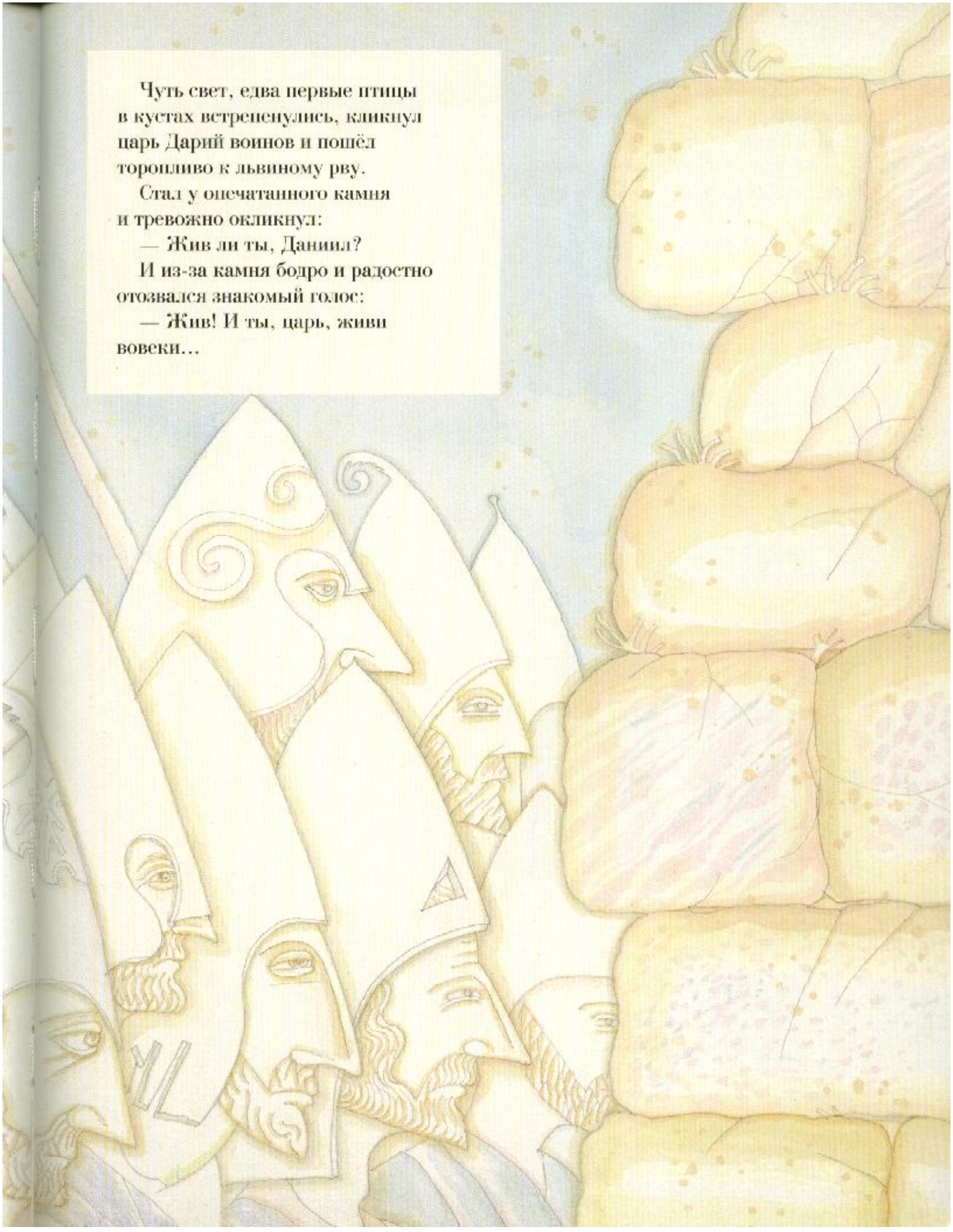
Даниил ничего не ответил, прислонился к тёплой скале и положил львёнку на спинку ладонь: потянулся зверёныш, зевнул — всю пасть открыл, — затих и завёл свою сонную кошачью музыку. А цикады всё громче трещат.

Подошёл незаметно вечер. Пала прохлада. Звери по всем углам расшагались, старый лев на луну морду поднял и заревел: очень уж есть захотелось. А Даниил руки за голову закинул и пролежал недвижимо до рассвета, глядя на светлые звёзды и поглаживая жавшихся к нему от ночного холода львят.



***

Царь Дарий всю ночь не спал и к пище не прикоснулся. Жалко ему было юного Даниила, своего советника и любимца. Голодные львы — не шутка, небось и костей от Даниила не осталось... А вдруг жив? Не сохранил ли его Бог, которому он поклонялся?.. Так ведь спокоен был Даниил, когда его вели в львиный ров, и так светел, точно ничего злого себе от хищных зверей не ждал.



Чуть свет, едва первые птицы в кустах встрепенулись, кликнул царь Дарий воинов и пошёл торопливо к львиному рву.

Стал у опечатанного камня и тревожно окликнул:

— Жив ли ты, Даниил?

И из-за камня бодро и радостно отозвался знакомый голос:

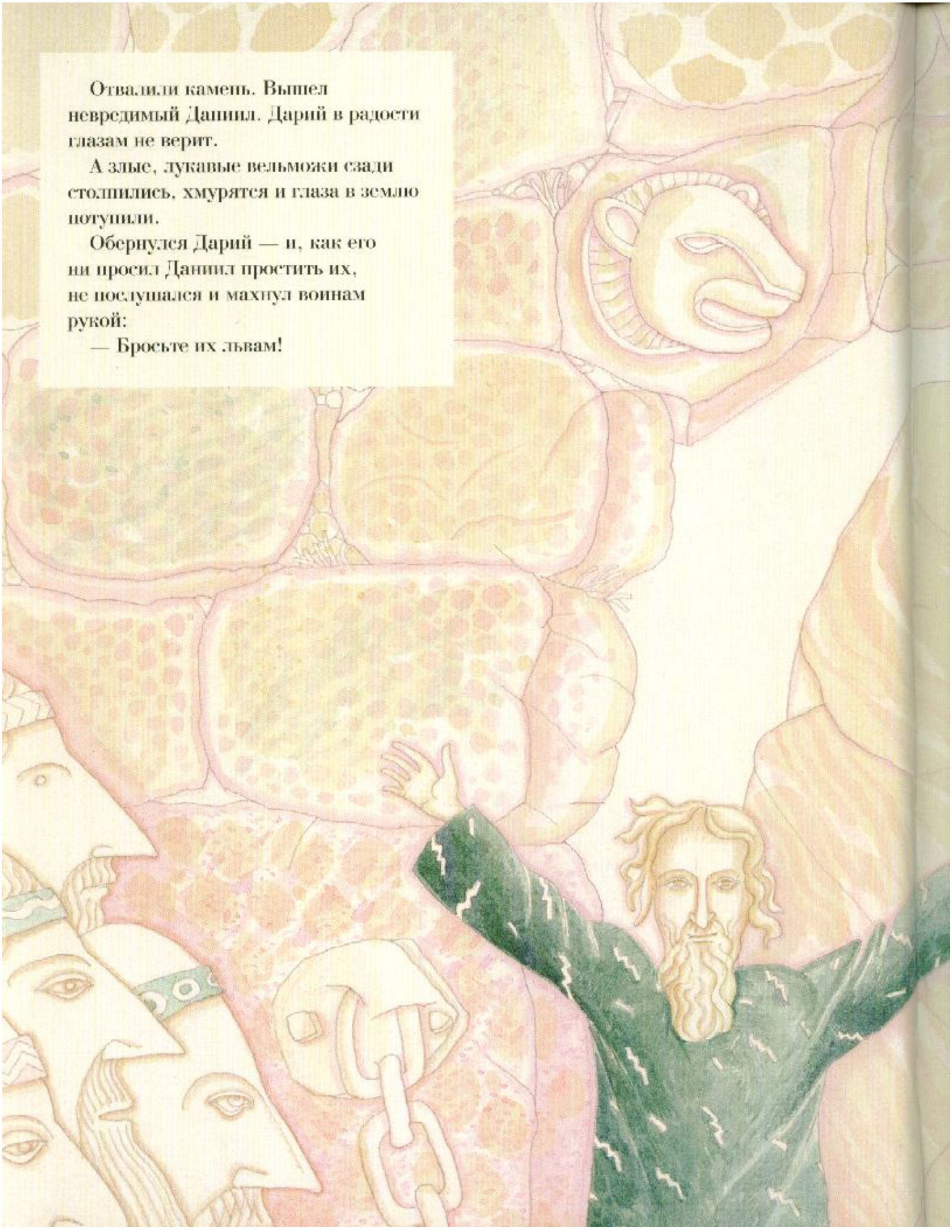
— Жив! И ты, царь, живи вовеки…

Отвалили камень. Вышел невредимый Даниил. Дарий в радости глазам не верит.

А злые, лукавые вельможи сзади столпились, хмурятся и глаза в землю потупили.

Обернулся Дарий — и, как его ни просил Даниил простить их, не послушался и махнул воинам рукой:

— Бросьте их львам!



«Рассказы русских писателей»

Для младшего и среднего школьного возраста

Саша Черный
БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Составители серии
Л.Я. Зиман, А.И. Розеншторм

Редакторы
Е.И. Викторова, Е.Ф. Каменская

Дизайнер
П.Ю. Перевезенцев

Дизайнер серии
И.И. Киреева

ЛП № 066783 от 21 июля 1999 г.
Издательство «Август»
117071, Москва, Ленинский проспект, 15
тел.: 955-0536

Предпечатная подготовка
Тел.: 222-8088

Подписано в печать 31.12.99 г. Формат 60x90/8.
Гарнитура «Бодони». Печать офсетная. Усл. печ. л. 7.
Тираж 10 000 экз.

Типография «ПЕОГРАФИЯ», Словакия, Мартин

ISBN 5-93589-003-8